

Анастасия Монастырская

ЭТЮД
В БАГРОВЫХ
ШТАНАХ

ЛЕДИ - ДЕТЕКТИВ

Анастасия Анатольевна Монастырская

Этюд в багровых штанах

Серия «Леди-детектив (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73955402

Этюд в багровых штанах : роман / Анастасия Монастырская: Вече;

Москва; 2025

ISBN 978-5-4484-5420-2

Аннотация

В жизни Стефании Ивановой наступили тяжелые времена: ее вот-вот посадят за решетку. Она – основная подозреваемая в деле об убийстве Анны Федоровой, жены своего поклонника. Ревность и желание избавиться от соперницы – чем не мотив? Оперуполномоченный Федоров, конечно, верит в невиновность своей пассии, но... собирает вещи и уходит. Между тем перед своей смертью Анна рассказала, что недавно погибли две сотрудницы рекламного агентства, в котором она работала. Может быть, Федорова стала третьей жертвой серийного убийцы? В ее квартире остались материалы собственного расследования. Что остается Стефании? Заполучить их, устроиться в рекламное агентство «Эдем» и самой поймать маньяка...

Содержание

Уважаемые читатели!	6
Глава 1	10
Глава 2	35
Глава 3	49
Глава 4	60
Глава 5	65
Глава 6	83
Глава 7	92
Глава 8	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Анастасия Монастырская

Этюд в багровых штанах

*Тот, кто судорожно цепляется за жизнь,
может погибнуть вместе с ней.*

Станислав Ежи Лец

*Мы успели – в гости к богу
не бывает опозданий.
Так что ж там ангелы поют
такими злыми голосами?*

Владимир Высоцкий

Серия «Леди-детектив»

© Монастырская А.А., 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

Уважаемые читатели!

Известно, что из десяти человек девять обожают детективы, а десятый врет. Жанр детектива вечен хотя бы потому, что люди нуждаются в хэппи-энде, и детектив готов обеспечить хороший конец: преступник разоблачен, справедливость восторжествовала, проницательность читателя вознаграждена.

Но не одна лишь загадочная история привлекает в детективном романе; гораздо круче, если он подан как производственный роман, если мы видим следователя или сыщика не только за рабочим столом или в засаде, но и на романтическом свидании или на родительском собрании в школе. А

любовь может случиться и прямо на месте происшествия, рядом с лужей крови, потому что на сайты знакомств героям за счастьем бегать некогда. Да, не всегда она гладкая и безупречная, личная жизнь тех, кто раскрывает преступления, и проблемы у сыщиков такие же, как у всех остальных людей, только помноженные на то, что не всегда можно рассказать о своем рабочем дне за семейным ужином, да и родительские собрания приходится пропускать, задержавшись в морге или затопленном подвале в поисках улики.

Если вы готовы не просто распутывать сложные дела вместе с героями, но и сочувствовать их любовным неудачам и смеяться над горькими шутками, которыми они скрашивают свою непростую жизнь, – тогда вы должны взять в руки книги из новой серии издательства «Вече» «Леди-детектив». Тем более, что авторы этой серии – самые настоящие леди-детективы, и их легко представить на месте центральных персонажей. Следовательно, оперуполномоченная уголовного розыска, криминальный журналист – вообразите, какой кладезь сногшибательных историй кроется в созданных ими романах! Действующие лица из числа политиков, репортеров, светских львиц – но не только, еще и преступных авторитетов, террористов, маньяков, за которыми угадываются известные фигуры, и о них писательницы знают не понаслышке...

В серию в основном включены романы о наших днях, но ведь многие тайны спрятаны в прошлом, и оттуда они управ-

ляют нами. История семьи, история страны, мировая история властвуют над нами из глубины лет, и детективные сюжеты порой переплетены с прошлым неразрывно. Вам дано увидеть эту связь времен в интересных, интригующих произведениях из серии «Леди-детектив».

Увлекательного вам чтения!

Итак, поехали!

Ваши замечания и предложения присылайте по адресу: 127566, Москва, а/я 63, Издательство «Вече» или по электронной почте: kichin@veche.ru

Автор предупреждает: все совпадения в романе намеренны, но случайны.

В Питере мокро. Очередная порция дождей.

В лужах смазанные поцелуи фонарей. Особое удовольствие – наступить на них и пройти дальше.

Где-то неподалеку, на грязной лестничной площадке – она. Большеротая, сероглазая. На шее бьется жилка. Красный цвет ей тоже к лицу.

Сначала все было хорошо, а потом он ее убил.

И началась новая глава.

Сначала длинный сверкающий туннель, извилистый, словно жизнь алкоголика – взлеты и падения, потом пара формальных вопросов. К нам? Или уровнем ниже? Выби-

райте. У них компания, у нас условия. Итак...

К вам, к вам! Все души в гости к вам!

После – БЛАГОДАТЬ! Навсегда.

Навсегда?

Скорая помощь должна вот-вот подойти.

Прежде чем захлопнуть лестничную дверь, он набрал «03». Из милосердия. Он не зверь, он человек.

Верую в тебя, Господи! Верую! Сегодня дежурит очень хороший врач. Может, он успеет к той, которая сейчас умирает на грязном полу. Это как повезет.

...От дождя блестит гладкая голова. Да, с волосами ему не повезло. Все остальное в норме: зубы, зрение, сила и ловкость. Подтянутый мужчина средних лет, у которого теперь все в полном порядке. «Эдем» может работать спокойно. Теперь ему ничто не угрожает.

На автобусной остановке объявление:

«Сдаю постель в этом районе. С завтраком или без завтрака, по вашему выбору. Звонить до полуночи».

Он отрывает белый листочек, похожий на пропуск. До полуночи еще есть время. И теперь можно немного отдохнуть. До следующего аукциона смерти.

Глава 1

Оптимист говорит, что стакан наполовину полон. Пессимист считает, что стакан наполовину пуст. Нет, не так. Оптимист всегда найдет выход из тупика, пессимист уверен, что этот выход – вход в новый тупик. Опять не то, но теплее. Попробуем так: оптимист утверждает, что наш мир лучший из всех существующих, пессимист догадывается, что это действительно так. Уже ближе. Впрочем, тема оптимизма и пессимизма настолько благодарная, что можно без конца проводить параллели. Если, конечно, на то есть время и желание. Желание у меня есть, а вот времени в обрез. Если уж честно, времени совсем не осталось. Ни минуты, ни секунды.

В сложившихся обстоятельствах придется свернуть философские дискуссии о пользе и вреде оптимизма и перейти на пессимистическую программу действий. Кто «за», прошу поднять руки. Принято единогласно. В воздухе одиноко подрагивает моя рука.

Ну и ладно: пессимизм так пессимизм, благо повод имеется. Скорей всего, стакан действительно наполовину пуст, а наш мир – лучший из всех существующих. Только кто сказал, что он хорош? Все относительно.

Мои проблемы также относительно. Кому-то они покажутся настоящей катастрофой, кому-то – ерундой, на которую не стоит обращать внимания. Правда, я еще не встре-

чала человека, убежденного в том, что обвинение в убийстве – ерунда. Как минимум подобное положение вещей будет сильно раздражать, максимум – обвиняемый впадет в истерику и начнет совершать одну ошибку за другой. Например, станет кричать на каждом углу о своей невинности или, чего хуже, начнет собственное расследование. Возможен и некий промежуточный вариант: впасть в шоковое состояние и не реагировать на окружающий мир, лучший из всех существующих.

Что же мне выбрать? Минута на размышление.

А ведь каких-то два дня назад я была счастливейшей из женщин: дом – полная чаша, вполне дееспособный любовник, выполняющий любое желание, куча внимательных родственников и стабильное финансовое положение. Я работала деканом на престижном факультете культурных отношений, хотя давно созрела к тому, чтобы сменить место работы. Не из-за денег, исключительно из интереса. Справедливости ради признаюсь, что последнее время работала только для того, чтобы не умереть дома от скуки. Деньги мне не нужны: два бывших мужа за границей – в Англии и в Америке – прекрасно обеспечивали и, надеюсь, будут обеспечивать нашу дружную семейку. Причем делают они это настолько хорошо, что в отечественной прессе меня уже называют скромной российской миллионершей. Не совсем верно по факту, но, согласитесь, очень приятно. С детства мечтала быть миллионершей. Собственный самолет, яхта, дом на Ба-

гамах и пятнадцать шиншилловых шуб, опять же на Багамах. Только представьте: утро красит нежным светом Багамские острова, вокруг симпатичные аборигены и я – в шиншилловой шубе. Умереть, не встать! Все аборигены будут моими. Может, когда-нибудь моя мечта и сбудется. Кто знает... По крайней мере, бывшие супруги исправно платят алименты и при этом не испытывают финансовых угрызений. Живу я по средствам, скромно и экономно, чего не скажешь о моих родичах. Вот кто любит шикануть на широкую ногу. А нога у них ой, как широка. Дай только волю.

Был у меня еще один бывший муж – Ванька Иванов, первый по счету, обосновавшийся в Канаде. Он тоже не забывал про лучшие годы и молодость, которые ему практически безвозмездно подарила экс-жена. Увы, на этом источнике дохода пришлось поставить жирный крест: прошлым летом, когда Ванька вздумал навестить родные пенаты и подарить мне знаменитый изумруд Лукреции Борджиа, Иванова убили. Впрочем, это совсем другая история.

Родственники, доставшиеся от трех браков, открыли брачное агентство «Гименей отдыхает!». Как ни странно, но дело оказалось на редкость прибыльным. Дед Карл и бабушка Клара (наследство от первого супруга Ивана Иванова, того, кого не так давно отправили в мир иной) заведуют организацией матримониального процесса, бухгалтерией и всеми кадровыми вопросами. Тетка Соня и дядя Фима (наследство Петра Петрова – второго муженька) занялись психоло-

гической и эстетической подготовкой кандидатов в женихи и невесты. Наконец, Ольга и два ее сына-близнеца – Коля и Толя (родичи от третьего брака – жена и дети) особой пользы не приносят, но зато регулярно действуют на нервы. Впрочем, я всегда могу от них скрыться. По задумке архитектора, наш дом поделен на две равные половины. На одной расположилась я, на другой – шумная родня вместе с Гименеем. На половине родичей еще прописаны золотые рыбки-пираньи, у меня обитают крокодил Гена и жаб Жбан.

Все это было вчера. Счастливая жизнь и никаких волнений.

Сегодня мне светит казенный дом годков эдак на десять, если повезет, конечно. Дееспособный любовник спешно упаковывает чемоданы, готовясь отбыть в неизвестном направлении. Родственников не видать, а по дому пришлось то ли торнадо, то ли цунами (я их вечно путаю). Ящики опрокинуты. Стулья сломаны. Цветы вытоптаны. Кризис жизни. Кризис отношений. Кризис.

Что ж, в своих бедах виновата сама. Не спорю. Кто просил открывать дверь незванным гостям? А уж если открыла, то молчала бы в тряпочку и не следовала дурацким законам гостеприимства: «Чувствуйте себя, как дома, гости дорогие! Кофе? Чай? Потанцуем? Поговорим?» Господи, ну, кто меня тянул за язык?! Кто вообще меня заставил ответить на этот судьбоносный звонок?!

В древности люди правильно говорили: «Когда все идет

хорошо, оглянись по сторонам – не притаилось ли худшее?»

Худшее возникло на пороге дома в тот момент, когда мой любовник (или как он любит говорить – сожитель) оперуполномоченный Федор Федорович Федоров делал мне очередное брачное предложение. Шестое по счету. Предыдущие успехом не увенчались. Подозреваю, что Федоров решил потерять свободу после того, как на досуге я прочитала любопытную журнальную статью «Как сделать, чтобы любовник сделал предложение». Поскольку советы были не очень мудреными (никто, к примеру, не требовал, чтобы я исполняла кульбит в постели и травила любовника жареными мидиями в испанском вине), я решила испытать их на практике. На протяжении вечера говорила только о футболе (причем ни разу не перепутала ЦСКА с «Зенитом»); необъяснимой прелестью и повышенной сексуальности блондинок (сама я умеренно рыжая); раз в две минуты хвалила любовника за ум, честь и совесть нашей эпохи. В общем, не успела оглянуться, как процесс пошел. После легкого эротического ужина с прыгающими афродизиаками в салате, пылких объятий в джакузи и массажа левой ступни, у сожителя не осталось сил сопротивляться. Федоров сварился. Сдался. Капитулировал. Выбросил белый флаг и правое колено. Ему спешно потребовалось потерять свою свободу – здесь и сейчас, немедленно и бесповоротно. Если бы в данный момент рядом материализовалась тетенька из ЗАГСа, то он тут же сожрал свой паспорт от умиления и радости.

В общем, Федоров решил жениться.

На мне. Что, в общем-то, и понятно: других кандидаток поблизости не наблюдалось. Только я, жаба и крокодил. В сравнении с последними мои данные только выигрывали.

Лично я радости не испытывала. Свободу терять не хотелось, да и замуж, признаться, тоже не очень хотелось. Весь сыр-бор я затеяла только ради одного: проверить советы всезнающего сексопатолога-психолога-журналиста-женщины на практике. Проверила. И вот результат: разомлевший от еды и массажа Федоров с места в карьер поклялся в вечной любви и верности. Чмокнул в нос и предложил: «Давай поженимся, а то все так здорово!» Ну и где логика? Если здорово, зачем жениться? Вопрос остался без ответа. Федоров сунул мне под нос правую ступню для новой порции массажа и стал дожидаться, когда я скажу стыдливое «да».

Сказать «да» не успела, равно, как и сказать «нет».

В дверь позвонили.

Чертыхнувшись, я накинула халатик на голое тело, подошла к двери, посмотрела в «глазок» и зачем-то впустила в свою жизнь череду проблем и неприятностей.

На пороге стояла молодая и очень красивая женщина. Настроение у меня сразу испортилось. Не могу сказать, что внешне напоминаю бабу-ягу, побывавшую в косметическом салоне, но в присутствии более красивых и молодых мгновенно начинаю комплексовать. То объем собственной талии не устраивает, то длина ног кажется не идеальной, то облу-

пившийся маникюр заставляет стыдиться и прятать руки в карманах. При виде прекрасной незнакомки комплексы полезли как дрожжевое тесто – быстро и необратимо. Сделав над собой усилие, я вежливо процедила:

– Вам кого?

Она очаровательно улыбнулась:

– Мне бы Федю. Можно?

Федя не замедлил себя ждать. Мокрый и взъерошенный, он выглянул в коридор и тут же застыл, чего не скажешь о полотенце, обмотанном вокруг бедер: оно так и норовило сползти на пол.

– Ты откуда взялась? – хрипло спросил Федя, уставившись на гостью. – Сказал же человеческим языком – не вернусь, и не проси. Не поняла? Тогда повторяю – не вернусь.

Почувяв неладное, я на всякий случай поспешила уточнить:

– Это кто?

Воцарилось неловкое молчание, прервать которое осмелилась незнакомка:

– На какой вопрос мне отвечать в первую очередь?

– Ты откуда взялась? – ошалело повторил Федоров.

– Это кто? – не унималась я.

Женщина вздохнула и, подумав, сделала свой ход конем:

– Мы так и будем стоять на пороге, друзья дорогие? На улице прохладно. А вы, ребятки, одеты не по погоде. Не ровен час, простудитесь, заболаете, умрете. Жалко.

Мы переглянулись с сожителем.

– Ты ее знаешь? – гостеприимство гостеприимством, а про бдительность забывать не стоит. Вдруг у нее пояс какой-нибудь особенный: бац, и нет нашего дома.

– Да знает, знает, – усмехнулась гостя и подтолкнула нас в сторону кухни. – Неплохо устроился, – одобрила она, увидев следы эротического пиршества. – Узнаю источник вдохновения. Журнал «Бабы-леди», статья «Как сделать, чтобы любовник сделал предложение». Ну и как, сделал?

– Сделал, – Федоров с вызовом обмотал чресла полотенцем и пригладил волосы. – Тебя это не касается.

– Сделал, – мне ничего не оставалось, как подтвердить свершившийся факт. – Однако это не значит, что предложение было принято. Но как вы догадались? – пробурчала я, поставив джезvu на плиту.

– Так я ее написала, – засмеялась она. – Статью. А в качестве подопытного образца взяла вот этого (небрежный кивок в сторону полуголого Федорова). Думаю, что он не устоял, особенно против массажа левой ступни. На подушечку большого пальца жали? Понравилось? То-то. Мое коронное ноу-хау. Дарю и поздравляю. Хотя в любом случае вам придется немного подождать.

– Почему? – я отвернулась, и кофе моментально сбежал.

– Холодной воды добавьте, – посоветовала дамочка. – Так будет вкуснее. На чем мы остановились? А, вспомнила. Вам придется немного подождать. Для начала Федя должен раз-

вестись. Со мной.

– Так вы... – пробормотала я, бросив уничижительный взгляд на мгновенно съежившегося Федорова. Вот сволочь, молчал, как партизан на допросе!

– ...Его жена. Первая, единственная и пока что законная. Еще вопросы?

– А дети у вас есть?

– Бог миловал. От такого родишь, так сразу на себе крест надо ставить. Кофе у вас отменный. В меру горький и крепкий. Еще чашечку. Может быть, ты нас познакомишь? – обратилась нежданно обретенная супруга к своему первому, единственному и пока что законному мужу. Тот демонстративно отвернулся, не забыв в который раз подтянуть полотенце. Нашел время стесняться! Да и перед кем? Под полотенцем нет ничего такого особенного, чего бы мы не видели.

Гостя пожала плечами:

– Вот так всегда. Все приходится делать самой. Анна Федорова.

– Стефания Иванова. Можно просто Эфа. Меня так все зовут.

– Понятно, – усмехнулась Анна. – Поменял гадюку обыкновенную на более ядовитую и дорогую змею. Узнаю тебя, любимый. Песчаную Эфу так просто на Птичьем рынке не купишь. А вот гадюку в любом лесу найти можно. Дело нехитрое. Но ведь тебе гадюки не нужны? Тебе что-нибудь особенное подавай. Понимаю: мечты о домашнем серпента-

рии по-прежнему остаются в силе.

Федоров покраснел, фыркнул и, ссутулившись, удалился, не забыв при этом хлопнуть дверью.

– Как ребенок, честное слово, – сказали мы синхронно и переглянулись.

– Жаль, я ведь к Феде по делу пришла, а что касается ваших амурных походов, так мне до них интереса нет. Со своими бы разобраться. Но разве мужик это поймет? Он ведь до сих пор уверен, что я без него плачу и сохну, сохну и плачу. Теперь будет дуться не менее трех дней. Проверено. Отличный кофе готовишь, Эфа, – неожиданно она перешла на «ты». – Но я бы сейчас выпила чего-нибудь покрепче. Составишь компанию?

– Почему бы и нет? – легко согласилась я. Какая женщина откажется от знакомства с женой своего любовника. Тем более, если та не дура, не стерва, а нормальный симпатичный человек, да еще с чувством юмора?! Я не отказалась. Анна мне действительно понравилась. С ней было легко, интересно и спокойно. У людей подобного склада масса приятелей, но практически нет друзей. В подруги я не набивалась, а вот против приятельских отношений не возражала. Вдобавок перспектива провести время с мрачным Федоровым, которого хлебом не корми, дай только поскандальить и выяснить отношения, не радовала. «Из двух зол надо выбирать то, которое еще не пробовал», – сказал Винни-Пух, переводя взгляд с Пятачка на Кролика.

Вот я и выбрала Кролика, тьфу, Анну.

Найти приличное кафе не составило труда. Вечер трудно-го дня: народ уже успел выпить, отдохнуть и разбежаться по домам: показывали футбольный матч и новый отечествен-ный сериал, причем одновременно.

К тому же выбранное кафе оказалось не из манерных: ни-каких запредельных коктейлей, сложных блюд и сомнитель-ных десертов. Банальная карта вин, скромные салатики и хо-лодные закуски, на сладкое – кусок яблочного пирога или мороженое, политое горячим шоколадом. Я остановилась на сухом красном вине и мясном ассорти. Анна презрительно фыркнула и взяла двести грамм коньяку. К нему шоколад. Заметив мой удивленный взгляд, пояснила:

– Терпеть не могу тех, кто закусывает коньяк лимоном. Вкус напитка моментально пропадает. Шоколад, напротив, раскрывает все ноты, которые есть у хорошего коньяка. Рав-но как и сигара. Но сигары не курю: пусть у мужчин хоть ка-кое-нибудь удовольствие в жизни останется, а то мы, женщи-ны, давно узурпировали все развлечения. Куда ни посмотри – всюду мы, бабоньки. Ну, давай за нас, оптимистов. Мы еще встанем на ноги! В крайнем случае – на четыре ноги.

После столь замысловатого тоста мы легко и непринуж-денно болтали. О чем? О Федорове, разумеется. Забавно, но мы обе, не сговариваясь, воспринимали мужичка как неоду-шевленный объект, сомнительный приз, переходящий из рук в руки. Анна с огромным облегчением передала его мне в

руки, а я с некоторыми опасениями вроде бы приняла сей бесценный груз.

– Честно говоря, я тебе не завидую, – призналась Аня, согревая бокал с французским коньяком в ладонях. – Жить с Федоровым сплошное мучение. «Божественную комедию» читала? Так вот, дантовский ад по сравнению с тем, что устроит тебе Федя – игрушки. Девяти кругов не хватит. Не спорю, что в конфетно-цветочный период он весьма неплох, при условии, что у него на это есть деньги, но в качестве мужа оставляет желать лучшего.

– Почему?

– Загибай пальцы. Он неряшлив, ленив, занудлив, ревнив, а подчас агрессивен и мнителен. Каждый недостаток можно терпеть по отдельности, но вместе подобный букет становится просто невыносимым. Ты скандалишь, пытаешься пролепетать что-то разумное о своих женских правах, но в конечном итоге, становишься неуверенной, замкнутой и плаксивой. Став женой, ты постоянно оглядываешься на мужа, стремясь получить положительную оценку любым своим действиям. Правильно ли себя ведешь, так ли причесана, одета, напомажена. Так ли приготовила лангет и не перепутала ли его невзначай с эскалопом? Заметь, что, несмотря на все усилия, одобрение получишь лишь в исключительных случаях. В общем, все, что ты ни сделаешь, всегда будет не так. Не плохо, но не так, – Анна отломила дольку шоколада и дрогнувшим голосом призналась: – Может, мы потому и

расстались, что я вдруг захотела стать свободной.

– А как вы познакомились? – любопытство в голосе не скроешь, оно, как пузырьки от шампанского, так и рвалось наружу. Внешне Анна и Федор не смотрелись. Она гибкая, смуглая, стремительная, казалось, была воплощением жизненной энергии и уверенности. Он – тугодум, чуть рыхлый, вечно рефлексирующий по поводу и без. Но ведь было нечто, объединившее этих людей?!

– Познакомились на трупе, – бесхитростно сообщила Анна. – Я проходила свидетелем, а потом стала подозреваемой. Труп был моим любовником. То есть тогда он еще не был трупом, но уже был моим любовником. Тьфу, запуталась! В общем, нас свело преступление. Жуткое и кровавое. А вы как?

– Мы на двух трупах. – Тенденция, однако. Да и вспоминать дела давно минувших дней не очень хотелось. – Потом еще два трупа, которые укрепили отношения и направили их в романтическое русло. Федоров говорит, что я действую на криминогенную обстановку так же эффективно, как дождь на грибы. Где я – там проблемы и статьи уголовного кодекса.

– В общем, полный экстрим, – понимающе кивнула Анна и заказала еще коньяку. – Федя любит экстрим. Особенно с душком. Ему бы в Средние века жить, каждый день ведьм на костре сжигать. Не работа, а сплошное удовольствие. Меня бы не пощадил, это точно.

– Зачем ты так? Если подумать, то Федя хороший, – всту-

пила я за своего сожителя.

– Хороший он только местами. И если при этом совсем не думать. Эфа, не цепляйся к словам, – пожарила Анна. – Мы же не на ток-шоу выступаем. Никто не утверждает, что он плохой. Типичный последователь «Домостроя», которому феминизм наступил на пятки. Знаешь, что такое шовинизм? Мужской шовинизм – это мужской диктат. Как в личной, так и в профессиональной сферах жизни. Сознательное или подсознательное стремление установить свои правила игры для женщины. Хочешь элементарный тест? В офисе десять мужчин-менеджеров и одна женщина, занимающая такую же должность. Вопрос на засыпку, кого из них попросят приготовить кофе перед совещанием? Ответ очевиден. Вот тебе первый пример мужского шовинизма. А вот и второй. Как часто мы слышим о любвеобильном мужчине – восторженно-одобрительное Казанова! Но попробуй женщина обнародовать число своих поклонников, ее мгновенно заклеят. Так же, как и так называемую старую деву. Почему в тридцатилетней женщине, ни разу не побывавшей замужем, мужчины мгновенно начинают искать недостатки? Мысль о том, что она просто не хочет менять свою свободу на обручальные кандалы, просто не приходит мужчине в голову.

Или истинно мужская фраза «Ты этого все равно не поймешь, потому что тебе не дано». Все! Приговор вынесен и обжалованию не подлежит. И ты можешь с пеной у рта доказывать, что лучше, умнее, сильнее, чем он думает. Все равно

не переубедить.

– Если постараться...

– Даже если очень стараться, все равно ничего не выйдет. Мужчина-шовинист мыслит стереотипно, я бы даже сказала, однолинейно. В его воображении женщина ограничена определенными рамками, которые он же для нее устанавливает. Этого не носить, с этим не общаться, туда без меня ни шагу, здесь помолчи, а вот там все скажи за меня.

– Лучше удавиться, чем так жить.

– Вот именно! – Анна с размаху поставила бокал на столик. Бокал треснул. Картинка маслом: бойцы вспоминают минувшие дни и плачут, плачут. Дождавшись, когда официантка уберет со стола и принесет новый заказ, она продолжила: – У моей знакомой, к примеру, муж установил следующие правила в доме: она может встречаться только с теми подругами, которые у него вызывают доверие. Первая была отвергнута за слишком свободный образ жизни (научит жену плохому), вторая не подошла из-за чувства юмора, третья оказалась закоренелой феминисткой. Критерии выдержала лишь его престарелая сестра, которая к тому же никогда не являлась в дом с пустыми руками, а всегда с тортиком или плюшками. Муж толстел, жена худела от одиночества.

– Знаешь, на работе тоже можно встретить примеры подобного отношения...

– Да черт с ней с работой! В семейной жизни проявление мужского шовинизма намного страшнее, чем пусть даже и в

самом продвинутом офисе. В случае с работой у тебя остается пусть маленький, но вполне реальный шанс ее сменить. С мужем, согласишься, не так просто расстаться. Вот нам и приходится постоянно идти на компромиссы. К примеру, надеваешь короткую юбку, а он – куда собралась? На работу? Интересно, что это у тебя за работа такая! Переоденься! Немедленно! А я проверю! Что делает женщина, которая идет на компромисс? Надевает брюки, а, придя в офис, снова переодевается – в ту самую юбку. И волки сыты, и овцы целы.

Жена должна сидеть дома и штопать мужу носки, в перерывах – помешивать суп и подтирать сопли детям, даже если у них нет насморка. Муж в это время находится в засаде. Беспокоить его нельзя ни под каким предлогом. Засада – это святое. По выходным он тоже в засаде, только уж не знаю, в какой. И по праздникам общественный порядок бережет, пока дома салат «Оливье» в тазике подкисает. И не дай тебе бог, нарушить установленный порядок. Будет кричать, возмущаться, осуждать твое недостойное поведение. А после соберет вещи и уйдет в неизвестность. К другой дуре, у которой салат еще не прокис.

– Дура – это я, так надо понимать?

– Дура – это собирательный образ. А ты, Эфа, живой человек. И что-то мне подсказывает, что ты не особо рвешься замуж. Еще вопрос, кто из вас с Федоровым выйдет в дамки. По крайней мере, я не представляю, как ты режешь колбасу для «Оливье». В крайнем случае, если совсем гиря до

полу дойдет, пойдешь в супермаркет и купишь готовый, и не с колбасой, а с бужениной. Потому что так вкусней и проще. Да и маникюр не пострадает. У меня все было иначе. Я покорно сидела дома и штопала федоровские носки, пока не поняла, что их проще покупать. От всех дырок все равно не избавишься. Иногда мне казалось, что он их специально делал. Больно аккуратные получались и всегда одного диаметра. Надо же чем-то заниматься в засаде. – Она поморщилась от нахлынувших воспоминаний:

– Потом взглянула на себя в зеркало и ужаснулась: за год замужества превратилась в толстую неопрятную тетку, от которой постоянно пахло щами. Ненавижу этот запах! А Федоров обожает кислые щи. Ты когда-нибудь мыла кастрюлю после этого блюда? Ужас! Пришлось выпросить у мужа противогаз, меня мучило от кислой капусты, грязных кастрюль и собственного вида. Про оргазм и не вспоминала: какой оргазм, когда крутишься с утра до вечера, а вечером засыпаешь, не дождавшись любимого, единственного и пока что законного. Он ведь в засаде. Любимый город может спать спокойно... А жене не грех и поволноваться.

– И?

– И решила взяться за себя. Первым делом отправила в мусорное ведро все носки мужа и вылила только что сваренные щи в унитаз. Кастрюлю, по-моему, тоже мыть не стала. Выбросила. Дальше было проще: нашла работу, записалась в фитнес-клуб, потратила деньги на новый гардероб и хоро-

шего косметолога. Думала, вот Федя обрадуется: жена опять красавицей стала. Но нет: собрал вещи и ушел. Куда – сказать забыл. Просто ушел. Но перед уходом все-таки высказал ряд претензий: и к моему внешнему виду, и к внезапному отсутствию денег в семейной казне. Оказывается, он копил нам на летний отдых. Хорошая байдарка, палатка, рюкзаки и айда на Карельский перешеек против течения, навстречу приключениям.

– Переживала? – Новый образ сожителя мне нравился все меньше и меньше. Дай только домой вернуться, мигом всю спесь из него выбью. Шовинист! Женоненавистник! Сатрап! Тиран и деспот! – Плакала, наверное. Все-таки муж.

– Честно? Первые дни ревела белугой, а потом ничего, даже особый кайф нашла в своем женском одиночестве. Никто не указывает, всюду порядок, да и мужским вниманием не обделена. Я Федю не осуждаю. Просто мы разные. Он хотел получить домогостроевскую жену, а я... Видимо, не умею быть женой. Размер роли не тот. По мне амплуа любовницы плачет. Ну, за любовниц!

– За любовниц! – Мы чокнулись и выпили.

– И все-таки Федоров мужик рассудительный, – вдруг сказала Анна, закусив коньяк хорошим куском шоколада. – Я ведь действительно по делу пришла. В такую передрыгу, Эфа, попала, страшно признаться. Врагу не пожелаю. И главное, влипла по собственной глупости. Предупреждали ведь: не лезь, куда не надо. Но я же всех умнее и хитрее. Полезла,

дура такая. Теперь вот каждое утро просыпаюсь и боюсь, что этот день станет последним в жизни. Каждый вечер ложусь спать и благодарю Бога, за то, что он мне еще несколько часов пожить дал.

– Ты заболела? – испугалась я.

Анна отмахнулась:

– Тьфу-тьфу. Тут другое, – она немного помялась, словно раздумывала, говорить или нет, но потом решилась: – Все равно поговорить не с кем. Иногда хоть волком вой. В общем, так... Все дело в моей работе.

– То есть? – Я уткнулась в бокал с вином, раздумывая, как бы поскорее закончить разговор, который вдруг стал в тягость. Проблемы на работе – не повод благодарить Бога за каждый прожитый день.

– Не офис, а морг какой-то. Люди мрут, как мухи. На двери даже можно табличку повесить: «Опасно для жизни».

– Нашла чем удивить, в любом офисе сейчас опасно для жизни. Боссы корпоративную культуру осваивают, работники план перевыполняют и ждут, когда им повысят зарплату. При этом условия труда оставляют желать лучшего: духота, стрессы, компьютерное излучение и прочие гадости жизни. По собственному опыту знаю. Побывала по обе стороны баррикад: и как работник, и как начальник.

– Тогда скажи мне, и как работник, и как начальник, что делать человеку, которому ежедневно угрожают убийством? Я поперхнулась. Вопрос, как говорится, на засыпку:

– Надо полагать, что счастливица – это ты?

Анна невесело кивнула. Хотя откуда взяться веселью при таком раскладе?

– И как тебя угораздило?

– Случайно. Работаю в крупном рекламном агентстве. «Эдем». Может, слышала? Оно сейчас у всех на слуху. Деньги платят хорошие, люди замечательные, клиенты сплошь состоятельные. В общем, полный креатив. Но есть одно «но»: сотрудников убивают либо шантажируют. Только за последние полгода погибли две девушки – менеджеры по спецпроектам.

– Несчастный случай?

– Вряд ли удавку на шее и нож под лопатку можно назвать несчастным случаем, – грустно усмехнулась Анна. – Расследование зашло в тупик. Положа руку на сердце, расследованием этих убийств никто особо и не занимался. Отнесли в разряд глухарей и дело с концом. Девчонки были хорошие. Лена – душа компании, умница и красавица. У Дины двое ребят сиротами остались. Теперь их бабушка воспитывает, по слухам, мегера еще та. Я пришла в агентство через неделю после ее гибели. Случайно, по объявлению. И как ты догадываешься, заняла вакантное место – менеджера по спецпроектам, – Анна сделала добрый глоток коньяка и нервно продолжила: – Через два месяца мне на электронный адрес стали приходить угрожающие письма, потом начались звонки. Мужской голос, хриплый такой, регулярно сообщает, как

именно он меня убьет. Только не говорит за что и когда. Вчера я нашла на своем рабочем столе пеньковую веревку и мыло. Ничего шуточки, а? Неделю назад мне подбросили картонный ножик со следами красной краски.

Я боюсь выходить на улицу, боюсь одна возвращаться домой. Любовников сменила – тьму. Когда кто-то есть под боком, немного спокойнее. Уткнувшись в мужское плечо, глаза закрою и молюсь. Спаси и помоги. Только где гарантия, что среди них не скрывается убийца... Убийца, судя по всему, входит в мое окружение. Он прекрасно знает распорядок дня, привычки, даже цвет нижнего белья для него не составляет секрета. Несколько раз он был у меня дома.

– Как ты об этом узнала?

– Следы. Мокрые следы. Он их оставил на белом ковре. И в туалете, пардон, конечно, не спустил за собой воду. Рылся в ящиках с бельем и одеждой, разлил духи и шампуни. Я несколько раз меняла замок. Не помогло. Наверняка брал ключи из сумочки.

– И ты не настояла, чтобы Федоров тебя выслушал? – возмутилась я. – Сейчас ему позвоню, вызову сюда, благо недалеко идти, и вы все обсудите. Тебе нужна охрана. Поживешь у нас, пока ситуация не разрешится. Может, Федоров как мужик не очень, но как опер, поверь мне, он сто очков вперед даст.

– Он все равно не поверит, – вздохнула Анна. – Решит, что я специально все придумала, чтобы вернуть его внимание.

Из ревности.

— Какая к бесу ревность, если речь идет о жизни и смерти? — крикнула я и только после поняла, что на нас стали оглядываться. И чуть тише добавила: — Аня, это не шутки. Речь идет о твоей жизни, как ни пафосно это звучит. Не понимаю, чего ты ждешь?

— Не кричи, Эфа, — тихо попросила Анна. — Криком делу не поможешь. Когда я поняла, что все очень серьезно, сама начала расследование. Вряд ли гибель моих предшественниц была случайной. Пусть я была и плохой женой опера, но все-таки я была женой опера. Знаешь, сколько книжек по криминалистике в свободное время прочитала? Сначала думала, что дело в одном из клиентов. Есть у нас такой банкир. Каримов. В депутаты рвется. Даром что до выборов еще палкой не добросишь, но он уже сейчас почву начал готовить. Первое время я на него и грешила. Девочки вели одни и те же спецпроекты, в большинстве своем занимались политическим пиаром. А где политика, там и грязные деньги. Это тебе любой обыватель скажет. Но когда лично познакомилась с политической кухней, поняла: деньги там, может, большие и грязные, но никто не будет убирать серую мышку-исполнительницу. Масштаб не тот. Мы — пешки и в большой политической игре никакой роли не играем. Получается, что искать нужно в ином направлении. Но в каком? Общих интересов у Дины и Лены не было. Дина — скромная мать-одиночка, Лена — разбитная девчонка, любительница выпить и

погулять на славу. Как ни пыталась, я так и не смогла найти никаких точек пересечения. Кроме одной – агентства. А уж когда в своем столе нашла их фотографии, сделанные после убийства, поняла: убивает кто-то из «Эдема». Причем жертвой является только тот, кто занимает должность менеджера по спецпроектам. Теперь я на очереди. Я ведь тоже веду спецпроекты, будь они неладны.

– Аня, надо что-то делать! – воскликнула я.

– А что? В милиции уже была. Там виртуозно послали. Мол, когда найдем ваш труп, тогда и поможем, чем сможем. Думала, Федя посоветует что-нибудь дельное, но видишь, как все повернулась. Не судьба. И потом, Эфа, устала я бояться. Ты вот спросила, чего сижу и жду. Смерти, наверное. Я ее чувствую. По пятам ходит, с целым мешком инструментов. Дай бог, чтобы она была быстрой и безболезненной. Когда страшно, все остальное становится неважным. Страх пожирает тебя, оставляя одну оболочку. И потом я фаталистка – от судьбы не уйдешь. – В этот момент у моей собеседницы ожил телефон, проиграв знакомую мелодию из фильма «От заката до рассвета», странный выбор, однако, для такой женщины, как Анна: – Алло! Слушаю! Кто это? А, узнала... И что ты хочешь? Встретиться? Когда?

Она бросила обеспокоенный взгляд позади меня. Я рефлекторно обернулась, поскольку сидела спиной к окну. На улице давно стемнело, во влажных бликах фонарей отражались беглые тени. Показалось, или действительно от окна

кто-то отпрянул, заметив мой взгляд? Анна тем временем уже закончила разговаривать и спешно подкрашивала губы.

– Эфа, я, пожалуй, пойду. Неожиданное свидание, надеюсь, ты меня извинишь за бегство? Но вполне возможно, сегодня моя жизнь изменится. Надеюсь, что к лучшему. Мне обещали защиту. Скорей всего, я даже уеду. – Она тараторила, стараясь заглушить внутреннюю тревогу: – Очень рада была с тобой познакомиться, надеюсь, что мы еще встретимся, не так ли? В спокойной обстановке. Можешь даже Федорова с собой привезти, обещаю, что не буду над ним издеваться, как сегодня. Обещаешь?

Я кивнула. Анна явно торопилась. И только придвинув стул к столику и взяв нарядную сумочку, вдруг нерешительно замерла:

– Эфа, обещай мне еще одну вещь: если со мной что-нибудь случится, ты обо всем расскажешь Феде. Хорошо? Результаты моих исследований лежат в квартире – голубая папка за собранием сочинений Достоевского. Ключи от квартиры у Федорова есть. Передай ему, что я его очень люблю. И о многом жалею. В том числе и о вылитых щах.

Она криво улыбнулась и побежала к выходу. Так обычно бегут либо навстречу любви, либо смерти. В данном случае верным оказалось второе предположение. Я не знала, что менее чем через час Анны Федоровой уже не будет в живых. Ближе к утру ее тело найдут около кафе, в котором мы так уютно посидели. Не знала я, что именно меня обвинят в

убийстве Федоровой. Мой сожитель, помешавшийся от горя и угрызений совести, соберет свои немудреные пожитки и уйдет на свою холостяцкую квартиру. Не догадывалась я и о том, что уже через две недели начну работать в рекламном агентстве «Эдем», а еще через месяц получу первое угрожающее письмо и шелковую удавку в подарок. И бороться за собственную жизнь мне придется самой... Все это было впереди, а пока я сидела за столиком, пила вино и вглядывалась в дождливую темноту за окном, где притаилась смерть.

Глава 2

– Теперь ты понимаешь, почему я должен уйти, – Федоров умоляюще взглянул на меня (вот только не надо сцен, дорогая). – В сложившейся ситуации я просто не могу остаться.

Ну-ну, какие мы нежные и удивительные! В сложившейся ситуации... Я не могу остаться... Просто петровская ассамблея, да и только. Еще немного, и сделает книксен, сложив тощие кривые ножки в замысловатую фигуру. Пусть. Против ухода сожителя я не возражала: если мужик что-то решил сделать, он это сделает, сколько на нем не висни и не причитай. Виснуть на мужике я разучилась после потери невинности в десятом классе. Как правильно причитать, забыла после развода с Ивановым. Не повезло Федорову. Баба я закаленная, жизнью выдрессированная похлеще льва на боксерском ринге. Как там, в песне поется? Без меня тебе туда, любимый мой. В смысле туда тебе и дорога. Хочешь пешком, хочешь на троллейбусе. Подвезти не подвезу – извини, бензин кончился.

Впрочем, Федоров явно был согласен и на трамвай. В первый раз вижу, чтобы любовник так торопился оставить ложе любви и прочие удовольствия, которые нам приносит адюльтер. Даже вещи в кое-то веки сам собрал: из чемодана виновато торчали синий носок и рукав белой рубашки. Все! Клиент готов. Провожающих просьба выйти из вагонов. Пожела-

ем ему счастливого пути и попутного ветра! «Он улетел, но обещал вернуться», – сказала баронесса Мюнхгаузен вслед просвистевшему ядру. Федоров ничего не обещал. По крайней мере, в данный момент. Но так и норовил усвистать куда подальше. Скатертью дорога!

– Почему ты молчишь? – Федоров топтался на пороге, не решаясь закрыть за собой дверь. Чемодан притулился у его ног, как большой, побитый молю щенок.

– А разве нужно что-то говорить? – вялый вопрос так и повис в воздухе. Говорить действительно не хотелось, впрочем, как и устраивать шумные скандалы и кричать «Вернись! Я все прощу!». Я мечтала, чтобы он поскорее ушел. Господи, да уйдешь ты, наконец, вместе с этим дурацким чемоданом?! Видеть не могу. Слышать не могу. Помнить не хочу. Ничего не хочу. Милый. Хороший. Любимый. Единственный... Пошел вон!

Мечта исполнилась: хлопнула дверь, и наступила долгожданная тишина.

Так плохо, как сейчас, мне не было никогда. И дело не в том, что последние несколько часов пришлось провести в обществе двух малосимпатичных оперов, играющих в «плохого и хорошего полицейских». Играли они бездарно и неинтересно. Вдобавок от одного пахло чесноком и водочным перегаром, от другого хорошим французским парфюмом. Непереносимый симбиоз! В общем, ничего конструктивного, кроме дикой головной боли из этой беседы я так и не по-

черпнула: «За что ты ее убила?» – «Я ее не убивала!» – «Мы знаем, что ты ее не убивала, но все-таки за что?» – «Не убивала я!» – «А где алиби?» – «Алиби нет». – «Ага! А говоришь, не убивала». И так далее, до муторной бесконечности, плавно переходящей в физическую тошноту и усталость. Я им про Фому, они мне про Ерему. Спасибо Федорову, отмазал. Пришел. Ткнул в меня пальцем: «Она не убивала. Алиби есть. Я – ее алиби». Опера было ошетинилась, как голодные волчата: мол, еще подозреваемый нашелся. Но вовремя опомнились – с Федоровым в таком состоянии лучше не шутить. С ним вообще разговаривать невозможно.

Так что из милиции мы вернулись в гробовом молчании. Только дома я поняла: он уверен, что Анна погибла из-за меня. Пусть я ее и пальцем не тронула, но ведь могла, теоретически?! Могла же... И о чем это мы с ней так долго говорили? Косточки муженьку и любовничку перемывали? Так-так... Значит, за спиной смеемся, а как беда пришла, на шею бросаемся: Федя, родненький, спаси. Он – герой. Хоть одну, да спас. А мы ему косточки...

Мой спаситель собирал вещи. Я также молча наблюдала за ним, свернувшись калачиком в уголке дивана. В чемодан лети носки, трусы, бритвенные принадлежности, тапочки и рубашки, в меня – умные и правильные слова. Как ни крути, погибла его жена, пусть и без пяти минут бывшая. Жалко? Жалко! Ко всему прочему, любовницу (без пяти минут будущую жену) обвинили в убийстве. Жалко? Еще как жалко!

Что остается настоящему мужчине? Уйти! Идеальное решение. Он уйдет, и любовный треугольник превратился в параллельные линии, которые, как известно, не пересекаются. Ни вашим, ни нашим. Впрочем, и треугольника как такового не было: мы с Анной встретились один раз в жизни, поговорили и разошлись. Мне она понравилась. Я ей, судя по всему, тоже. В чем проблема? Проблема в стереотипе. Никто не поверит, что жена и любовница могут друг другу искренне симпатизировать и что муж и любовник способен довести ситуацию до подобного абсурда. Вот если бы Аня мне вцепилась в волосы, а я, к примеру, расцарапала ей лицо, то тогда и вопросов бы не возникло. Все правильно. Все так и должно быть. Теперь представим наш вариант. Любовница, то есть я, неожиданно узнает о существовании жены. Идет с женой в кафе и о чем-то с ней беседует. Затем жену убивают. Кто виноват? Тут и к гадалке не ходи – все указывает на разлучницу проклятую. Она и мужа увела из семейного гнездышка, и жену грохнуть решила. Причем весьма удачно, надо сказать. В смысле грохнуть. На мой резонный вопрос, зачем убивать жену любовника, если он собрался с ней разводиться, у нашей доблестной полиции нашелся ответ: чтоб не мешала. Видимо, к такой же версии постепенно пришел и Федоров. Логика всегда была его сильным местом. Вот уж не думала, что у наших отношений будет столь пошлый финал – синий носок в чемодане и «не надо сцен, дорогая!».

Наконец-то одна. Теперь можно выплакаться всласть и по-

жаловаться Гене с жабиком на свои проблемы.

Господи, кто же знал, что после ухода сожителя будет так больно?!

И зачем ты, Господи, придумал зуб мудрости?!

Зачем женщине мудрость? Особенно такой, как я. Мне и со своим-то умишком не справиться, а ты мне новую порцию IQ отдал. Да еще бесплатно. Так сказать, бонус от небесной канцелярии. Живи и радуйся! Ой-ой-ой! Больно! Господи, хочу быть дурой! Чем тебя не устраивало число тридцать два? Зачем мне тридцать третий зуб, твоя любимая цифра? Я разве о нем просила?

Мудрость прорывалась с неожиданной прытью: не прошло и пяти часов, как язык ощутил ее ребристую поверхность. Белый клык и челюсти в одном флаконе. Фильм ужасов. Нервных просим удалиться. Десна ныла и кровоточила, голова кружилась, тело ломило. Судя по всему, летальный конец мне обеспечен. Кривясь от боли и дурных предчувствий, я набрала номер неотложки.

– Ну? – спросила меня дама, зевнув в трубку.

– У меня зуб болит, – пожаловалась я и на всякий случай уточнила: – Мудрости.

– Нашла чем удивить. Они у всех болят, когда лезут. Годков-то тебе сколько?

– Тридцать.

– Поздновато проклюнулся, – без всякого интереса протянула она. – Теперь намаешься, может, даже резать придется.

– Что, зуб? – я представила, как проклюнувшийся клык пытаются распилить прямо во рту, и ужаснулась. Картина маслом: пилите, доктор, пилите! – Зуб не дам резать.

– Десну, дуреха! – фыркнула телефонная собеседница. – Кому нужен твой зуб, тем более мудрости?!

– А что сейчас делать?

– Я тебе справочное что ли? Иди к стоматологу! Не хочешь? Почему не хочешь? Ах, сил нет! Тогда выпей водки и спать ложись. Утро вечера мудренее.

Я бросила трубку. Гиппократка чертова! Одной ногой мы стоим в капитализме, другой – давно и безнадежно вляпались в социализм, с его человеческим лицом. Тьфу! Здоровый больному не товарищ, они стоят по разные стороны баррикад. С традиционной медициной разобрались, а что нам посоветуют народные эскулапы? Я открыла «Народный лечебник». Шалфей, водка, крепкий сон. Не густо. Зуб снова сделал рывок вперед. Крепкий сон, шалфей, водка. Я застонала. До утра точно не дотяну. Может, действительно к доктору? Э, нет, туда мы еще успеем. К тому же что он мне сможет предложить? Вырвать зуб? Полдесны снесет, как потом такая кривая ходить буду?! Я теперь девушка одинокая, мне новый поклонник нужен. Экстерьер придется беречь. Водки в моем доме точно нет, а вот насчет шалфея не знаю...

От полной безнадежности набрала телефон родичей. Ответила сонная Клара. Оно и понятно: на часах полпервого ночи.

– Клара, у вас шалфей в доме есть?

– Нет, конечно, – проворчала бабуля. – Зачем нам шалфей?

– Зуб мудрости лечить, – простонала я.

– А зачем нам зуб мудрости? – резонно спросила Клара. – Нам и без него хорошо.

– Тебе, может, и хорошо, а мне тошно, – слезы хлынули как Ниагарский водопад, красиво и шумно. – С меня опять подписку взяли, Федоров ушел, зуб болит, никто меня не любит, никто не пожалеет. Вот простужусь, заболею и умру. Тогда поплачете на моей могиле.

– Так бы сразу и сказала, – забеспокоилась старушка. – А то шалфей, зуб мудрости. Сейчас поможем. Жди.

Семейная «скорая помощь» не замедлила себя ждать. Не прошло и пяти минут, как все домочадцы собрались на моей половине. Соня деловито мешала зубную микстуру, Фима виртуозно ругал Федорова, Клара и Карл гладили меня по голове. Близнецы показывали фокусы. Даже Ольга, питавшая ко мне сложные и противоречивые чувства, снизошла до маленького комплимента:

– Если бы не круги под глазами, ты бы выглядела вполне. Где-то на троечку.

Я огрызнулась:

– Да хоть на единицу, только бы боль прошла.

– Это из тебя присуха выходит, – сообщила жена моего третьего мужа. Близнецы весело заверещали:

– У Эфки присуха, у Эфки присуха!

– Ольга, заткни детей. Мы начинаем! – Тетка зажала мне нос, я инстинктивно открыла рот. Язык ощутил вязкую непереносимую горечь. Горло содрогнулось, принимая горячую травяную лаву. Уф! Хорошо пошла. Лучше водки!

Удивительно, но микстура помогла в считанные секунды. Раскаленный огонь в десне в последний раз вспыхнул и погас. Правильно говорят: клин клином вышибают. Оказав помощь физическую, родичи принялись за душевные раны.

– Ты, Эфа, не расстраивайся. Федорова тоже понять можно. Подумать только, даже нас провел. Двоеженец! А мы его как родного приняли. Даже сынком пару раз назвали. – Праведный гнев Фимы поддержала Соня:

– Порядочный мужчина не уходит от любовницы, которую обвиняют в убийстве его жены. Это неправильно.

– А как правильно? – ревниво включилась в разговор Ольга. – Отправиться с Эфкой в ЗАГС? Забыть о том, что у тебя была жена? Кто ее просил на ночь глядя тащиться в кафе с будущей жертвой? Сидела бы дома. Мужика обихаживала. Он даже без массажа остался.

– Кого – ее? – переспросил Карл.

– Эфу, разумеется, – фыркнула Ольга.

– Откуда мне знать, что она жертва? На ней время убийства не написано, – парировала я. – И потом... дело не во мне, а в Федорове. Он меня бросил.

– Конечно, – возмутилась Ольга, имевшая виды на моего

сожителя. – Во всем виноват Федоров. Может, это он жену родную и придушил, чтобы под ногами не путалась? А потом и тебя бросил до кучи. Какая из тебя жена опера, если все время трупы под ногами валяются.

– Хорошая жена! – встала на мою защиту Клара. – Она мужу план делает.

– План надо делать по раскрываемости, а не по трупам, – обиделась Ольга. – Конечно, вы сейчас Эфку начнете жалеть и Федорова поносить на чем свет стоит. Дескать, сам он убийство организовал и любимую женщину подвел.

– А что, резонно, – хмыкнула Клара. – Странно, что такая мысль до сих пор нам не пришла в голову. По закону детективного жанра именно он и должен стать убийцей. У него, кстати, алиби тоже нет.

– Бабуля, Федя здесь ни при чем, – в один голос выдохнули мы с Ольгой. – Он, конечно, подлец, но не убийца.

– Смотри-ка, а девчонки наконец нашли общий язык, – засмеялся дед. – Если так и дальше дело пойдет, то на почве Федорова вы станете закадычными подружками. Оно и правильно: мужик сбежал, делить больше нечего.

– Карлуша, перестань, – мягко одернула его Клара. – Девочки и так переживают. Эфочка, а тебя не посадят?

– В ближайшее время нет, – я мрачно оценила свои перспективы. – Но в принципе могут. С учетом прошлых заслуг.

Родственники переглянулись, видимо, вспомнив мои прошлые заслуги. Просто как в песне поется: четыре трупа воз-

ле Эфы. А теперь вот и пятый образовался. Кому понравятся такие перспективы?

– Мы тогда тебе адвоката найдем, хорошего, – горестно вздохнул Фима. – Будем приезжать в Саблино. А там, глядишь, и срок скостят за хорошее поведение. Ты платочки будешь шить – козликом.

Представив саблинские платочки, я снова зарыдала. Весь эффект пошел насмарку.

– Сеанс семейной психотерапии закончен, – правильно оценила ситуацию Соня. – Пошли, ребята. Женщина должна плакать в одиночестве, иначе ее трагедия превращается в общественный фарс.

Тетка, конечно, была права. Есть что-то неприличное, когда человек плачет на людях. Потом бывает мучительно стыдно за красные глаза, распухший нос. Поэтому родственники деликатно удалились, а я осталась с жабой и крокодилом. Подходящая компания для одинокой женщины, не правда ли?

Я всегда завидовала книжным героиням, которые умеют красиво плакать. Цвет лица у них при этом не меняется, слезы, как жемчужинки, красиво скатываются из уголка глаза, носик очаровательно подрагивает. Эх, велика писательская фантазия! У меня после рева лицо красное, нос, как картошка, глаза – щелочки. В общем, красавица, что и говорить. Шутки шутками, но недавно Ольга записалась на курсы «Царевна-несмеяна», где учат правильно плакать. Вернувшись,

она огорошила полученными знаниями:

– Представляете, еще во времена Бальзака светских дам специально обучали искусству лить слезы. Плакать надо с широко распахнутыми глазами, позволяя слезам катиться по щекам, слегка промокая красивым носовым платком, ни в коем случае не вытирая глаза, во избежание красноты.

– Вот еще, – фыркнула Соня. – В плаче что главное? Правильно: широта души, возможность пореветь белугой, по-выть себе всласть. А ты платочек, широко раскрытые глаза, во избежание красноты... Тьфу! Не так часто мы и плачем, чтобы ограничивать себя в удовольствии.

– Не скажи, – не согласилась информационно подкованная Ольга. – В год наш организм производит около полулитра слез. Вне зависимости от половой принадлежности. Хотя мужчинам и приходится сложнее: хочется поплакать, а нельзя. Им по статусу не положено.

– Настоящий мужчина не плачет, – авторитетно заявил Фима, которому мы мешали смотреть футбол. Ольга то и дело загораживала своей необъятной попой экран, где бегали маленькие футбольные человечки.

– Настоящий мужчина время от времени должен плакать, – Ольга щелкнула пультом, и судьба ответственного матча канула в неизвестность. – Сдерживать свои эмоции плохо, сказывается на сердечно-сосудистой системе. Я уже не говорю про нервы. Кстати, научно доказано, что секрет глазной железы содержит психотропные средства, уменьша-

ющие чувство напряжения и тревоги. То есть поплакала – полегчало. Сдержала слезы – здравствуй, инсульт! Просто, как в аптеке. Впрочем, в крайности бросаться тоже не следует. К примеру, голландские ученые к слезам относятся очень осторожно. Дабы организм не устал от слез, стараться не доводить себя и не реветь белугой, а тихо так поплакать себе в кулачок. А то наплачешься до истерической тошноты.

– Бред, – не поддержала голландцев Клара. – Наш человек так не может. Ему надо плакать в голос, чтоб за три квартала слышали.

В этот момент Фима умудрился отобрать пульт у Ольги, футбольные человечки вновь ринулись в атаку, и дискуссия само собой сошла на нет.

Справедливости ради скажу, что правильно плакать Ольга так и не научилась: ревет она, как и прежде, часто, громко и неинтересно. И при этом противно шмыгает. Я тоже плачу громко, но не шмыгаю. В этом наше принципиальное различие. В остальном – бабы они и есть бабы. Голова, две руки, две ноги и все остальное, ну, вы понимаете.

После слез наступила апатия. Я отключила телефон и погрузилась в чтение любовного романа из своей любимой серии. Название соответствовало настроению – «Вековая печаль Годзиллы».

«– Никто меня не любит, никто меня не хочет, – пожаловалась Годзилла своей закадычной подруге Серодусте Бабасян, чья бабушка была мудрой армянкой техасского про-

исхождения. – Если так и дальше дело пойдет, то я совсем без поклонников останусь. Старой девой.

– Не останешься, – успокоила ее Серодуста. – В случае чего в Китай рванем. Там мужиков хоть отбавляй. Выбери себе какого-нибудь апельсина, и будет тебе счастье.

– Не апельсина, а мандарина, – раздраженно поправила подругу Годзилла.

– Какая разница? – удивилась та. – Все равно цитрусовые. У меня на них, кстати, аллергия.

– У меня тоже, – мрачно сообщила Годзилла. – Сразу сыпью покрываюсь. И какое при этом может быть счастье?

Серодуста задумалась:

– Знаешь, Годзя, с мужиками всегда так – либо сыпь, либо душевный геморрой. По-другому они не могут. Придется довольствоваться тем, что есть: тоской по любви.

И они затосковали. Вслась. По-бабы. Шериф бежал за скотчем и брэнчал под окном жалобные песни – лишь бы девоньки угомонились. Городские ковбои отправились в прерию: в городе стало опасно находиться.

Тоска продолжалась ровно три дня и три ночи, после чего подруги отправились в Китай. На поиски спелых апельсинов или мандаринов. К этому моменту им было практически все равно».

Каюсь, я залезла в холодильник и, выудив спелый мандарин, сожрала его тут же, с косточками и кожурой. Может, и мне будет счастье? Интересно, что бы на это сказал дедушка

Фрейд? Думаю, ничего хорошего. А раз так, то пусть помолчит, старый развратник.

Глава 3

Гениальное решение пришло утром: раз в своих проблемах я виновата сама, следовательно, самой и придется расхлебывать сложившуюся ситуацию. Первым делом я освободилась от признаков мужского присутствия в квартире, а заодно и от досадных воспоминаний.

В спешке Федоров умудрился забыть большую часть своих вещей: я безжалостно снесла их на помойку, поклявшись, что отныне в моей жизни больше не будет ни мужчин, ни мандаринов, ни апельсинов. Даже бананов и тех не будет. Все! Баста! Объявляется супердиета! Подумать только, не прошло и нескольких недель, как этот правоохранительный фрукт прочно и, казалось, навсегда прописался в моей жизни: он даже умудрился стереть в компьютере милые игры, типа сексуального тетриса, не говоря уже о пасьянсах. Вместо этого умная и безропотная машина была под завязку забита криминальными сводками. Ради интереса я открыла одну из них: «...После чего подозреваемый Х. в состоянии необузданного возбуждения совершил контрольное изнасилование в голову»... Б-р! И эти люди запрещают мне читать любовные романы! Да моя Годзилла, этот нежный цветок душистых прерий, в сравнении с ними, само воплощение литературного стиля и благопристойности сюжета.

В оставшихся от вчерашнего погрома цветах вместо зем-

ли оказался табачный пепел. Судя по запаху, Федоров сливал в горшки остатки пива. То-то я смотрю, цветочки в сторону бара наклонились, словно к солнышку. С каждым шагом картина преступления становилась все более и более ужасной. Прожженный сигаретой кашемировый свитер. Туфля ручной работы, у которой каблук болтается на честном слове (узнаю тяжелую поступь Федорова в темном коридоре), разорванные бусы и завязанная в узел золотая цепочка. Не человек, а вредитель!

Я уже молчу про ванную комнату и туалет. В первой – гора грязной одежды (мол, постирай, высуши и прогладь), во втором – полочку с любимыми любовными романами заменила полочка с триллерами и автомобильными журналами. Более того, Жбан, жабка моя лысая, был безжалостно выселен из теплой уютной постели. Теперь мой крошка вынужден мерзнуть по ночам! Гене полностью изменили режим питания: он вынужден столоваться три раза в сутки в строго отведенное время. Крокодил похудел, подурнел и немного позеленел от подобного обращения. Хм! Теперь он выглядит как мой брат близнец. Я тоже за последние дни отнюдь не похорошела.

Ужас! Где были мои глаза, спрашивается? Где были мозги? Где шлялся инстинкт самосохранения? Сказал пару ласковых слов, подарил два цветочка, сводил в кафе-мороженое и все – растаяла, сдалась без борьбы. Еще бы немного, и позволила надеть на себя фату с флердоранжем. О вопль женщины всех времен: какая я ж дура! Это ж в какой эйфо-

рии нужно находится, чтобы забыть о правах на собственную территорию!

По прошествии часа настроение существенно улучшилось: в конце концов, не в первый (но надеюсь в последний) раз меня бросает мужчина. И все-таки хорошо, что он ушел. Как говорится, доброго пути, дорогой товарищ! Я с удовольствием собрала федоровские диски, пенку для бритья, парочку тусклых пиджаков и драные кеды. Перечисленные пожитки бывшего сожителя отправились в мусорный мешок.

Дзинь! На пол упала связка ключей вместе с изящным брелоком. Половинка серебряного сердца с выгравированной надписью «Анна». Помнится, у Федорова был точно такой же брелок, только на безделушке красовалось его имя – Федор. Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы сопоставить очевидные факты – передо мной ключи от Аниной квартиры.

Вот так, наверное, бьет копытом молодая лошадь перед началом скачек. Глаза блестят, ноздри раздуваются от предвкушения новых приключений. Депрессии как не бывало. И слава Богу! Хватит сидеть квашней. Пора действовать! Для начала мне нужен был адрес Анны. Узнать его оказалось очень легко: я как раз несколько дней назад купила соответствующий компьютерный диск. Так, посмотрим... Анна Федорова. Ух ты, сколько их! Вводим дополнительные данные: дату и год рождения (эти цифры выучила наизусть, не зря же я столько в отделении просидела), список сократился. Ага...

теперь попробуем дату заключения брака. Есть! Вот она. Литовская улица... Свет не дальний, за полчаса доберусь.

Добралась я за час. Не учла перерыв в транспортном сообщении. При подходе к дому приплясывала от нетерпения и постоянно оглядывалась по сторонам: а вдруг сейчас из-за угла выпрыгнет Федоров, который так же, как и я, ведет свое собственное расследование. Если бы у меня убили жену, я бы носом землю рыла. Но достала бы убийцу. Стоп! У меня нет жены, да и мужа не наблюдается.

Но на всякий случай еще раз оглянулась. Федоров не выпрыгнул. И я беспрепятственно поднялась на шестой этаж. Хм, кто бы сомневался: на двери белела бумажка с печатями. Я аккуратно ее надорвала. Сунула ключик. Извините, ребята, у меня тут дело. Ключ мягко вошел в скважину, и я тенью скользнула в прихожую. Прикрыла дверь. Прислушалась. Тихо. Сыро. Затхло.

Странное дело, еще не прошло и недели с момента убийства Анны, а квартира уже казалась неживой. Цветы пожелтели, на мебель легла корка мертвой пыли, корешки книг потускнели. Дорогая косметика, сваленная в кучу. Одежда, цветными комками лежащая прямо на полу. Надорванные фотографии. Молчаливые часы с застывшими стрелками. И только в изящной вазе огромный букет белых хризантем, неподвластных времени и тлению. Я инстинктивно наклонилась: горький, едва уловимый аромат осторожно пощекотал ноздри. Почему-то стало не по себе, словно я попала в полу-

забытый зал музея, где выставлены восковые экспонаты.

На одной из полок книжного стеллажа я заметила цветную фотографию. Анна и Федоров. Оба молодые. Оба счастливы. Оба улыбаются. Если женщина хранит фотографии бывшего мужа, она либо его ненавидит, либо продолжает любить. В данном случае склоняюсь ко второму варианту. Даже расставшись, Анна продолжала любить мужа, несмотря на его бытовой шовинизм и вылитые щи. И, судя по реакции Федорова, он также тяжело воспринял новость о гибели жены, хотя старался и не показывать боль. Скорей всего, его чувства угасли не окончательно. Только теперь уже ничего не исправишь. Смерть – единственное, что не предполагает продолжения. Она ставит жирную точку в Книге перемен. После смерти перемен не бывает. Они невозможны. Глядя на счастливое лицо Анны, я мысленно пообещала найти убийцу, несмотря на некоторый пафос ситуации. Ну и что? В глазах стояли слезы. Если бы я тогда настояла и вызвала Федора, если бы переступила через внутреннюю ревность (а именно поэтому и не настояла), то Аня была бы сейчас жива.

Фотография из счастливого прошлого стояла как раз на полке с полным собранием сочинений Достоевского. Пусть и поздно, но я оценила черный юмор хозяйки: видимо, их отношения с мужем были чрезмерно экзальтированы и надрывны и, скорей всего, обречены с самого начала. «Черт бы побрал это паровое отопление», – сказала Настасья Филипповна, вертя в руках сверток с деньгами. «Идиот» или «Пре-

ступление и наказание»? Не угадала. Пухлая папка скрывалась за романом «Бесы». Помнится, я читала его в юности, выписывая наиболее понравившиеся фразы в дневник, и до сих пор не нашла в себе сил перечитать. Хотя Достоевского очень люблю. Особенно в промозглые ноябрьские вечера, когда хочется укрыться от непогоды дома: спрятаться под чуть колючим пледом и читать, читать, читать...

Стоп! Ты ж не в библиотеку пришла, библиофилка домо-рошенная, а по делу! Вот делом и занимайся. Я отодвинула фотографию и вытащила нужный том. А вот и папка (странно, что ее не нашли при обыске). Под пластиковым глянцем покоились несколько газетных публикаций, фотографии и флэшка. Глаз выхватил фото худенькой смуглой девушки. На обороте надпись: «Дина-Динама». Кажется, о ней говорила мне Аня. Дина – одна из жертв. Только почему Динама? На другой – маленький лысый человечек в окружении красивых женщин. Ба, да это Каримов, известный питерский Казанова! Он настолько любит женщин, что иногда закрадывается смутное сомнение, а все ли с ним в порядке. Будь я мужиком, больше пяти минут не выдержала ни одну трещотку-вешалку. Интересно, где штампуют этих блондинок? Хоть бы одним глазком посмотреть на фабрику Барби: стандарты 90–60–90 и ни одной симпатичной извилины в голове, все мысли, как магистраль – прямые.

Я осторожно перебирала содержимое папки. Счета. Копии личных писем. Визитка сомнительного клуба с сатанин-

ской символикой... И в этот момент раздался телефонный звонок. Я вздрогнула, бумаги из папки посыпались на пол. Телефон не умолкал, требуя немедленного ответа. Шут знает, какая у них здесь слышимость, вдруг соседи сбегутся. Более нелогичного повода, чтобы поднять трубку, и не могла придумать. В конце концов, нет ничего криминального в том, что я поговорю по чужому телефону. В проникновении в опечатанную квартиру тоже нет ничего криминального. Ну, почти ничего. Я решила:

– Алло?

– Ай-ай-ай, какая нехорошая девочка, – голос в трубке был чуть хриплый и очень насмешливый. – Залезла в чужой дом, трогаешь чужие вещи. Стыдно!

Я растеряно огляделась по сторонам. Откуда он знает, что я здесь случайно?

– Кто это?

– Тебе действительно хочется знать? – Его голос приобрел леденящую вкрадчивость, словно острый нож разрезал нежную фруктовую плоть. – Счастье, дорогая, в незнании. Пока Ева не попробовала яблоко, она не ведала боли, купаясь в любви и блаженстве. Но она не сумела устоять перед искушителем – попробовала греха. И получила первое в своей жизни наслаждение. Жгучее наслаждение. Кто же знал, что платой за удовольствие станет изгнание из рая?! Роскошный Эдем, великолепный Эдем. Мы все туда стремимся, и все проходим такое же испытание, как прошла праматерь чело-

вечества. Подумай, дорогая, в этой истории есть сакральный смысл. Что бы ни случилось, Эдем не должен быть осквернен. Он вне греха. – Голос задрожал от напряжения: – Ты по-прежнему хочешь знать, кто я?

Я молчала.

– Я – твой искушитель. Я – твой грех. Я – твоя смерть.

Тишина.

Пожалуй, впервые в жизни мне стало страшно. Тело бил мелкая холодная дрожь, пока я спешно собирала рассыпавшиеся бумаги. Хотя, казалось бы, кого пугаться? Всего лишь голос в телефонной трубке. Он даже не угрожал. Он просто предупредил. Важно не то, что он сказал, а КАК сказал. Теперь я понимала, что именно испытала Анна в последние недели жизни. И это только начало. На мгновение закралась мысль: действительно, легче умереть, чем слышать такое каждый день.

Не помню, как я выбежала из квартиры Анны и кубарем скатилась по лестнице. Домой! Скорее домой. И только оказавшись в машине, перевела дух. Выкурила две сигареты, хлебнула коньячку для стабилизации нервной системы и лишь тогда поняла, что именно меня так испугало. Ощущение зрителя, взявшего напрокат кассету с триллером и вдруг осознавшего, что события на экране происходят с ним в реальности. Хочу я того или нет, но я уже стала частью игры, только пока не знаю основных правил. Может быть, они заключаются в досье, собранном Аней?

В дороге раздался телефонный звонок:

– Это я.

Я промолчала. А что сказать мужчине, который вчера спасается бегством, а сегодня звонит и униженно сообщает: «Это я»?

– Если хочешь, я вернусь.

Так же молча я дала отбой. Поздно, батенька, поздно. О вопль женщин всех времен: милый, где ж тебя раньше черти носили?! Все! Больше не буду думать о Федорове. Буду думать о том, что я скоро сама найду убийцу. И тогда он попляшет в отделении. Начальник выразит благодарность за поимку особо опасного преступника и подаритменные часы-луковицу, а еще мне дадут грамоту. В конце концов, мне не впервой распутывать страшные преступления. Тьфу! И где я понабралась подобной пошлости? Меньше сериалов нужно смотреть перед сном.

Дома я первым делом вставила флэшку. По закону подлости она не должна была раскрыться, но в этот раз закон подлости почему-то не сработал. Наверное, у него был выходной.

М-да, негусто. Несколько файлов: «Список сотрудников», «Подозрения», «Угрозы», «Досье», «Фото», «Важно для Федорова», «Динама». Я инстинктивно открыла ярлычок «Угрозы». Врага, как говорится, надо знать в лицо. В смысле быть готовой ко всему, что он вам сможет предложить. У, как интересно. Богатый ассортимент, ничего не скажешь. Анна

не поленилась и свела в один файл все сообщения, приходящие по электронной почте. Любопытный товарищ этот аноним: тут тебе и фото убитой Лены, и подробности ее убийства, и размышления о том, куда лучше вонзить нож – под сердце или в горло. Психопат, одним словом! Немудрено, что Анна шарахалась даже от собственной тени. Вторым номером Марлезонского балета оказалось «Досье». Светская хроника, список основных клиентов, сферы бизнеса и кто из менеджеров кем занимался... Любопытно, во всех трех случаях была только одна точка пересечения. Тот самый банкир Каримов. Не мешало бы с ним познакомиться получше, вопрос только: как подобраться. Банкиры в метро не ездят и на звонки не отвечают. Может, прикинуться журналисткой? Я с тоской посмотрела на себя в зеркало: ну, какая из меня журналистка?! В лучшем случае могу претендовать на корреспондента сельскохозяйственного отдела в провинциальной газете «Вести с полей», и то, если оденусь попримитивней. Вот парадокс: вроде деньги есть, а времени на себя не остается. В детстве мечтала стать домохозяйкой: дети румяные, здоровые по лавкам сидят, муж молоточком мне на туфли набойки ставит, а сама я с косой до пояса по хозяйству хлопочу, щи-борщи всякие изобретаю. Мечты, мечты, где ваша сладость? Осталась на задворках воспоминаний, когда грезила о фате и минимум трех карапузах. В общем, журналистка из меня получится так себе: вопросы формулирую коряво, то и дело скатываюсь на личности, а то вообще жутко зе-

ваю, когда речь заходить о творческих планах героя.

Остается одно: забыть на время про основное место службы (терпеть не могу это слово), оставить студентов на произвол судьбы и переквалифицироваться в менеджеры по спец-проектам. Хочешь не хочешь, а придется вкусить райской жизни с рекламным оттенком. Оценив свои перспективы, я открыла следующий файл – «Динама».

Глава 4

...Вот уже вторую неделю вокруг Дины вертелся отвратительный небритый мужичок. Так и норовил подойти поближе, бросая издали воспаленные взгляды. В угол, на нос, на объект. Как будто вознамерился прожить с Диной весь отмеренной ей срок, причем прожить в мире и согласии. Последнее Дину как раз и не устраивало. Равно как и ее маму.

В их скромной и дружной семье текущая пятилетка была расписана буквально по минутам. И спонтанного отца семейства в ближайшей графе пока не стояло. Не спонтанного, кстати, тоже. Зато четко были прописаны права и обязанности каждой из сторон. У мамы – права, у Дины – обязанности. Поровну. Ситуация устраивала обеих. От Дины требовалось вовремя приносить деньги и не вмешиваться в воспитательный процесс. Все.

Степку и Иринку баба Лида воспитывала сразу по трем педагогическим концепциям, полагая, что хотя бы одна из них принесет долгожданные плоды. Последние наработки психолога Зайцева развивали детский вкус и творческие способности. Доктор Спок на иностранный манер прививал любовь ко всему миру. Озарения гражданина Макаренки наждачком шлифовали юные ранимые души.

Последствия этого уникального винегрета могли проявиться только через несколько лет. А несколько лет – боль-

шой срок, мало ли что может случиться. Лидия Петровна была уверена, что долго не протянет, поэтому расхлебывать придется Дине. Дина также не переживала – здоровье у мамы железное, ей на роду написано понянчить правнуков. Чего не скажешь о молодом поколении: нервное оно какое-то, больное и хлипкое. Сплошные агнцы для жертвоприношения. Кто сказал, что Дина проживет долгую и счастливую жизнь? Может, на нее маньяк нападет, прямо сейчас, прямо в парадном! Кирдык – и в дамки...

Наспех докуривая на лестнице, Дина прислушивалась к тому, что происходит за дверью их маленькой, но славной квартирki. Главное, определить, кто из близнецов занимает почетное место в углу. Если Иринка, то в прихожей Дину встретит разомлевшая Лидия Петровна с тюрбаном на голове и произнесет знаменитую сентенцию о пользе гороха для подрастающего поколения. Дочка подмигнет из угла, а Степка с гиканьем выпрыгнет из-под вороха одежды и счастливо повиснет на матери. Семейная идиллия закончится мирным ужином.

В этом случае есть шанс выспаться.

Второй вариант развития событий. В углу, набычившись, стоит зареванный Степка. Вопли, крики, битье посуды и бурное примирение часа в четыре утра.

В полвосьмого – на работу.

К счастью, в большинстве случаев вину на себя брала девочка, избавляя тем самым шестилетнего брата и тридцати-

летнюю мать от климактерических истерик бабушки. Дина ценила в дочери задатки дипломата, а Степку любила. Что касается отношения к Лидии Петровне, то...

– Девушка...

Дина обернулась. Тот самый. В угол, на нос, на объект. Расстояние – три ступеньки. Она выше. На лестнице хоть глаз выколи. Но глаз как раз колоть и не хочется. В объемной сумке маленький баллончик лака для волос. Где-то на дне, а молния заедает. Да и в сумке бардак: пока найдешь, пока колпачок снимешь, тебя уже трижды разложат на лестнице. Закричать? А вдруг действительно... маньяк? Мама на вопль выскочит. Наверное... выскочит. Тогда этот всех возьмет и порешит. Детей и маму. Лучше уж ее одну. Не так жалко. Как там сказано в инструкции для американских женщин-военных: «Если насилия избежать не удастся, то закройте глаза и постарайтесь получить удовольствие». Уж она-то постарается, так постарается...

– Девушка, вы только не кричите... У меня сигареты кончились.

– Вы поэтому за мной следите? – Голос неоперившимся птахом выкарабкался из горла и теперь балансировал на кончике языка. От мужика шел странный запах – то ли ваниль, то ли хлороформ. Станный, неприятный одеколон. Впрочем, не время разбираться в оттенках парфюмерных нот. Потерпевшая, вы можете описать нападавшего? От него шел очень странный запах. И все?

Небритый улыбнулся. Во рту не хватало трех зубов.

– Вы мне нравитесь...

– И что теперь? – Дина вцепилась в сумку, выставив ее перед собой. Пальцы дрожали. Глаза почему-то щипало.

– У вас тушь потекла.

– И что теперь?

Мужик деловито почесал подбородок. Потом поскреб плечо и, изогнувшись, лопатку, унимая зуд.

– Ничего. Вы мне и такой нравитесь, – потянул носом, улавливая табачный дым. – «Винстон-супер-лайт»?

Гурман, оказывается. Дина дернула молнию. Так и есть – заело. Полезла в карман, вытащила пачку сигарет и кинула, бессознательно целясь в лицо. Он поймает, она убежит. А не убежит, так, может, из благодарности отстанет.

Действительно, отстал. Лестница на секунды ожила: пересмешиком повторив мужские шаги. Затихла.

Сигареты лежали на ступеньке, словно надорванный пропуск.

Дрожь в коленях, по спине струйка больного пота, а во рту противная сухость. Итак, это случилось. Именно с ней. Одно дело, когда сидишь в плюшевом кресле и смотришь триллер, где заранее расписаны все действия героев, да и финал известен. В живых остаются только любовники. Одиночки подлежат уничтожению. Впрочем, если по сюжету есть ребенок – его, как правило, не убивают. Из гуманистических соображений. Дети – наше все. Но одно дело кино. Совсем другое,

когда это происходит с тобой, тут ощущения совсем иные.

Поганые ощущения.

Ключи со звоном упали на черный квадрат коврика.

Скважина подмигнула, расплываясь в щербатой ухмылке.

Дверь, скрипнув, подалась вперед.

Дома.

В углу стоял Степка.

Глава 5

Строгий деловой костюм, на голове – прилизанные кудри, скромный макияж и черный портфель в руках, позаимствованный у Ольги. Хотя до сих пор не пойму, зачем он ей. Они вместе с портфелем совсем не смотрятся. То ли дело я. В одном из кожаных отделений – резюме и фляжка с коньяком. Резюме по необходимости, коньяк для храбрости. Кстати говоря, на составление первого ушло полдня. Первая завышка возникла с возрастом. Ну, не хочу я писать эту гладкую, почти юбилейную цифру – 30. Рука не поднимается ударить по двум клавишам. Она меня деморализует. Выгляжу на 29 с хвостиком, только вот хвостик в последнее время, как нос у Пиноккио, норовит увеличиться в размерах. В общем, поразмыслив, я честно написала: возраст – 29+ (плюс зависит от погоды и настроения).

Следующий пункт резюме, вызывающий смутную тревогу, звучал так: «Профессиональные навыки и опыт работы». Я всегда буксую, когда меня спрашивают о профессиональных навыках. В области рекламы, скажем прямо, навыков кот наплакал: могу отличить ролик от модуля, и модуль от слогана. Попроси меня провести полноценную рекламную кампанию, тут же затоскую. Пришлось ограничиться туманным определением: «Навыки хорошие. Прошла несколько стажировок, где получила практический опыт». Любой кад-

ровик убил бы за подобную формулировку. Однако на безрыбье и такое сгодится. «Как вы оцениваете перспективы профессионального роста?» А никак! «Ваши планы на будущее?». Вот пристали, тут бы разобраться с настоящим. С трудом заполнив необходимые графы и хлебнув коньячка, я отправилась на свое первое в жизни собеседование. В рекламное агентство «Эдем».

И кто придумал, что есть незаменимые люди, после ухода которых дело мгновенно покроется цементом и забуксует на веки вечные? Незаменимых нет. Нет и не будет, особенно в условиях жесткого капитализма и не менее жесткой конкуренции.

Так что договориться о встрече – дело недолгое и не хитрое. Не успело тело Анны остыть, как они объявили конкурс на замещение вакантной должности – менеджера по спецпроектам. «Мы предлагаем очень интересную, активную, творческую работу, которая включает в себя сотрудничество с VIP-клиентами. Требования к кандидатам: коммуникабельность, стрессоустойчивость, умение работать с VIP-клиентами, организованность, внимательность, опыт работы в проведении корпоративных мероприятий и вечеринок». Ну и дела, как будто они с меня списывали эти дурацкие требования. Коммуникабельна? Коммуникабельна! Стрессоустойчива? А то! Перманентное общение с дорогой полицией закаляет дух и вырабатывает стойкий характер. Про организованность, внимательность и опыт работы я и не гово-

рю. Их мне не занимать. Могу даже поделиться. Так что лучшей кандидатуры на столь убийственную должность вы все равно никого не найдете. Уверяю! Берите, пока не передумала!

Сотрудники компании считали иначе. В приемной толпились соискательницы, желающие работать исключительно с VIP-клиентами. Тощая чернявая секретарша тоненько предлагала чай-кофе, не забывая, тем не менее, следить за кандидатами. «Ходят тут всякие, а потом серебряные ложки пропадают», – сказала Красная шапочка мертвому волку.

Дамочки оказались слишком уж разнокалиберными – разных форм и размеров, но все, как одна, хотели получать высокую зарплату (от 1000 у. е.) и не менее высокие премиальные (от 30 % от заключенной сделки). М-да, двойка тебе, Эфа. За предварительную подготовку. Ты даже не в курсе своих будущих обязанностей и тридцати процентов. Я усе-лась на краешек сломанного стула и прислушалась к разговорам:

– Хотела пойти в стриптизерши, а там полный комплект, да и социальный пакет подкачал. Свалишься с шеста и все, прощай карьера.

– А я вот всю жизнь бухгалтером... Жизнь проходит, ничего, кроме цифр, не видишь. Решила попробовать с людьми.

– А VIP-клиенты – это кто?

– Это, деточка, VIP-клиенты.

– А... А что такое VIP-клиенты?

– Кошмар, что творится на рынке труда! Никто работать не хочет, одна я хочу. Но разве дадут? Пришла в одну фирму – там что ни день, торт едят. Понедельник едет, вторник, среда к концу подходит, а они все его уминают, да еще о сроке годности рассуждают. За испытательный срок пять килограмм прибавила. Пришла во вторую компанию, там еще хуже. В туалет можно только два раза за день. Утром и вечером.

– А если припрет?

– Терпи. Талончик только на два посещения. В сортире бабка-цербер сидит, дальняя родственница босса. Когдаходишь, чуть ли не обнюхивает: «Кто такая? Зачем пришла? Сколько просидишь?»

– Вот-вот. У нас примерно то же, только не талончики, а время посещения кабинки. Если проведешь в туалете больше трех минут, дверь автоматически распахивается.

– Обалдеть!

– Еще бы! Туалет-то общий. Один раз не успела. Дверь, как в сказке, скрипнула и распахнулась. Поднимаю голову, а напротив меня мужик. Сидит, понимаешь, на горшке и газетой срамное место прикрывает. А ведь он почти что за мной ухаживал.

– А что поделать, сейчас везде ведется борьба за корпоративную культуру. Ни один человек не понимает, что это такое, а все туда же...

– Да бог с ней, с корпоративной культурой. Хоть обезья-

ной обряди, только деньги плати.

– Эх, а вот у нас с начальством разговор был короткий: как только деньги задерживал, мы бастовать начинали. Сядем, бывало, в приемной с транспарантом «Прошу отправить меня на курсы повышения заработной платы!» и сидим, чаек попиваем. Хорошо!

– Ничего, девчонки, здесь должно повезти. Оклад – закачаешься. Премия – с ума сойти.

– А вы слышали, что здесь кого-то убили?

– За такие условия и умереть не жалко.

Уже через двадцать минут вынужденных посиделок в приемной моя голова гудела как «Титаник» во льдах. Удивительное качество – человеческая наивность, плавно переходящая в человеческую же глупость. Обещанное еще не значит исполненное. Исполненное обычно кардинально отличается от обещанного. Народная мудрость, переработанная веками. Однако поди объясни это будущим менеджерам по спецпроектам. Девицы прибывали и прибывали, занимая живую разноцветную очередь. Каждая надеялась, что выберут ее. Хотели ли они работать? Да боже упаси! Все мечтали только об одном: не сходя с рабочего места получить хрустящие бумажки и премиальные, не затратив при этом ни минуты своего времени. Впрочем, я все-таки ошиблась. Одна кандидатка не хотела ни зарплаты, ни премиальных. Она молча ратовала за идею трудоголизма в отдельно взятом коллективе. Этой идиоткой была я. Во-первых, понятно, что обещанного все

равно не заплатят. Во-вторых... Да и во-вторых не заплатят. Изученные накануне материалы подтверждали столь нехитрое умозаключение. Фирма переживала не лучшие времена. Нет, заказы регулярно поступали, но доходы почему-то не росли. По мнению Анны, они просто не успевали вырасти в нужных пропорциях, чтобы дебет сошелся с кредитом. Это как в лесу. Растет, скажем, на пригорке семейство лисичек. Маленькие, аккуратненькие: можно сразу срезать, а можно пару деньков подождать, пока не станут больше. Обычно сразу срезают, не дожидаясь мифических дивидендов. Вот так и в рекламном агентстве «Эдем». Доходы снимали мгновенно, причем сразу с финансовой грибницей. Потребности руководства росли не по дням, а по часам. Чего не скажешь о зарплате сотрудников. Однако кандидатки об этом ничего не знали.

Внешний вид офиса производил должное и запланированное впечатление: стены цвета бедра испуганной нимфы, навесные потолки, лепнина и парочка замысловатых колонн, на которые предполагалось вешать верхнюю одежду. В приемной приятно урчала кофеварка и витал запах французских духов. Все сотрудники были облачены в корпоративную одежду: мужчины щеголяли в бордовых брюках и белых рубашках, женщины – в бордовых же юбках миди и кипенно-белых блузках с фривольными черными галстучками. Экая гадость! Неужели и мне придется носить подобное? Я уже было повернула назад, как меня вызвали на собеседова-

ние.

– Проходите! – Секретарша распахнула дверь, словно приглашала войти в новую жизнь. И тихо подсказала: – Директора зовут Роман Григорьевич.

Будто я не знаю. Память услужливо выдала справку из досье Анны Федоровой: «Роман Григорьевич Газета. Директор рекламного агентства “Эдем”. 52 года. Женат. Детей нет. Тугодум. Зануда. Любит самостоятельность, но не терпит инициативы. Шутит редко и очень осторожно. К любой беседе готовится заранее: заносит план в компьютер и всегда по нему сверяется». Анна оказалась очень точной в своей характеристике. Роман Газета соответствовал определению на сто процентов и даже, наверное, немного больше.

– Стефания Андреевна? – сверился он с моим резюме, который услужливая секретарша уже успела внести в компьютер.

– Она самая, – кивнула я, разглядывая кабинет. В первый раз вижу такое: стиль рококо, помноженный на хай-тек. У дизайнера, должно быть, творческое мышление закоротило давно и прочно.

– Вы ведь никогда не работали в рекламе? – Он задал этот вопрос со странной интонацией – смесью любопытства и осуждения. Как же так, тридцать лет, а еще ни разу не работала в области рекламы. Не порядок.

– Нет, – я посмотрела ему прямо в глаза. – Реклама – это не профессия, реклама – это стиль жизни. Что есть ре-

клама? «Реклама – величайшее искусство XX века», – сказал Маршалл Маклюэн. А Олдос Хаксли добавил: «Легче сочинить десять правильных сонетов, чем хорошее рекламное объявление». Реклама – это жизнь в иллюзорном мире. Реклама – это искусство превращения полуправды в полную ложь... Реклама есть средство заставить людей нуждаться в том, о чем они раньше не слыхали... Реклама – это поэзия, а единственные настоящие поэты нашего времени служат в рекламных агентствах. – Я на секунду перевела дух. Газета зачарованно смотрел на мои пальцы, нервно выстукивающие ритм на дорогой столешнице. – Разве можно в данном контексте говорить о рекламе как о работе?! Кошунство! Издательство! Варварство! Рекламой нужно жить, тогда все получится.

Уф! Стефания Иванова закончила свое выступление. Теперь послушаем оценки судей. За артистизм: десять баллов. За экспрессию: десять баллов. За здравый смысл: ноль. Одним словом: «и чушь прекрасную несли».

Газета благоговейно молчал, переваривая услышанное. Теперь заработали его пальцы: бодро застучали по клавиатуре. Переварив информацию, он не поленился и записал мой бред в отдельном файле. Не исключено, что на следующем совещании он скажет остальным сотрудникам, что настоящий рекламист должен дышать иллюзиями и превращать полуправду в полную ложь.

– А вы живете рекламой? – Ого, у нас, похоже, возник

намаек на импровизацию! Похвально! Поддержим товарища?

– Конечно, моя жизнь – сплошной креатив (господи, что за чепуху приходится нести ради истины), ни дня без сло- гана, ни минуты без VIP-клиента (по-моему, немного пере- борщила). Я просыпаюсь с рекламой и с ней же засыпаю (как бы не уйти в сторону от главного вопроса). Мечтаю стать ме- неджером под вашим чутким руководством. В городе только о вас и говорят.

Показалось, или он действительно вздрогнул?

– Какое ваше основное достоинство?

Я ответила в духе Марии Стюарт, чья голова уже скати- лась в плетеную корзину:

– Мне не нужна зарплата в 1000 у. е. – После королевской паузы великодушно добавила: – И премиальные.

На паузе он сломался:

– Вы хотите больше?

– Помилуйте, Роман Григорьевич, о каких деньгах идет речь, если у меня есть шанс заниматься любимым делом – спецпроектами?!

– А премия... она действительно не важна?

– Премия для меня – счастливые глаза моих клиентов, ощущение, что я выполнила свой долг до конца, надежда на то, что завтра я смогу работать еще лучше и продуктивнее.

Я сделала паузу, чтобы перевести дух. Когда без остано- вки несешь полную чепуху, нужно не зарываться, а то, не дай бог, начнешь мыслить точно так же. Тогда все, полный абзац.

Наверняка. В глазах Газеты я выглядела стопроцентной идиоткой. Пришла, рассыпалась словами... Деловой костюм из лучшего бутика, обувь – ах, эта обувь! Ушки сверкают мелкой россыпью бриллиантиков, на пальце огромный сапфир. Понятное дело: девушка живет на содержании богатого папика, мается от безделья, а тут такой шанс – спецпроекты. Явно не знает, что это такое, но думает, что справится. Почему бы и нет? В конце концов, он ничего не теряет... – все это так отчетливо читалось в глазах генерального директора, что я едва не сделала большую глупость: сделала умное лицо. Он снова вздрогнул. Пришлось нацепить блаженную улыбку дорогой дурочки. Еще с минуту мы изучали друг друга, выискивая возможную фальшь, но потом он решился. Нажал кнопку на телефонном аппарате:

– Юля, остальных можешь отпустить. У нас уже есть менеджер по проектам.

«Йесс!» – воскликнула Бриджит Джонс, избавившись от двадцати граммов лишнего веса. «Йесс!» – мысленно повторила я, заполняя заявление о приеме на работу.

– Когда вы можете приступить? – спросил меня Роман Газета, изучая экран своего компьютера.

– Завтра! – По идее можно было и сегодня, но еще предстояло уладить кое-какие формальности на факультете. Как ни крути, а я все еще декан факультета культурных отношений. Придется скинуть ворох проблем на заместителя и взять больничный. Две сумасшедшие работы я точно не по-

тяну. А то, что работа в «Эдеме» претендует на звание сумасшедшей, я теперь и не сомневалась.

В отделе кадров возражать не стали:

– Вот и ладненько. Мы за это время форму подгоним, – сказала Тамара Петровна, руководитель подразделения. – Вы какой размер обычно носите?

– Обычно – сорок шестой, а по праздникам сорок восьмой, – сообщила я и на всякий случай поинтересовалась: – Юбка будет на резинке? Вес у меня плавающий – сегодня минус килограмм, завтра плюс.

– На резинке, – успокоила меня кадровичка, – Многие возражают, а что делать. На всех форму не сошьешь, правильно? Люди увольняются, сдают костюмы, мы их в чистку отдаем, а потом по новой.

– То есть нормальный секонд-хенд...

– Ага! Рада, что вы относитесь к нашей проблеме с пониманием. А то бывает. Приходят, нос воротят: ах, здесь пятно, ах, кто-то носил до меня... Подумаешь! Всем не угодишь. И вообще, раз сказали стандарт, значит, будет стандарт. Бордовые штаны, пиджак и юбка.

– Просто этюд в бордовых штанах...

– Мой любимый цвет, – сообщила кадровичка и доверительно прошептала: – Что касается размера... У нас у всех тут плавающий вес. А что делать? Работа сидячая, бизнес-перекусы, чай с плюшками, вот вам и результат – к зеркалу страшно подходить. Хотя вам, похоже, это не грозит,

Стефания.

Я приосанилась:

– Хорошо выгляжу?

– Выглядите вы как все, – Тамара Петровна не стала тешишь иллюзиями. – Просто работа у вас нервная. Что ни день, то новый стресс. – Она таинственно понизила голос: – Вы четвертая, кто пришел на это место.

– Остальные уволились? – пришлось изобразить жгучее любопытство.

– Их УБИЛИ. – Мне показалось, или в ее голосе действительно прозвучали нотки удовлетворения. – И надо сказать, по заслугам.

– Почему? Они плохо работали?

– Работали они нормально, ничего плохого сказать не могу. А вот что касается личной жизни, то тут разговор особый. На первой – Лене – вообще клейма негде было ставить. Помоему, она поставила себе цель перепробовать всех мужчин в этой форме. Бесстыжая! Заходишь в кабинет к директору, а там она: юбка задрана, блузка расстегнута до пупа, ну, вы понимаете...

– Не совсем.

– Шлюха она была! – Тамара Петровна, как в кабинете стоматолога, выплюнула наболевшее с болью и тайным облегчением. – Господь ее и покарал. А ведь я ее предупреждала: коль встала на такую порочную дорожку, будь готова к неприятностям. Нашли ее в подъезде дома, *голую*. Перед

тем как убить, он еще и поразвлекался на славу. Непонятно, куда соседи смотрели.

– Может, ее не там убили? – наивное предположение было призвано в первую очередь отогнать пугающую мысль: «Во что я все-таки вляпалась?»

– Ну, этого я уже не знаю. Там, не там, какая разница. Главное, что не в «Эдеме». – Моя собеседница от души перекрестилась, попав пальцами в глубокое декольте фирменной блузки. – После Ольги была Дина. Мать-одиночка. Я вначале ее жалела, знаешь, сколько козлов всяких по улицам ходит? – Дождавшись моего кивка, Тамара Петровна продолжила: – Но потом присмотрелась как следует и поняла: шлюха еще та. Наши ее так и звали – Дина-Динама.

– Почему?

– Потому. Завлечет мужика, поматросит его, сколько захочет, а затем бросит с торчком в штанах. Динама, одним словом. Да ты не морщись, Стефания! – кадровичка вдруг перешла на «ты». – У нас все по-семейному. Что видим, то и говорим. Кто с кем спит, кто с кем пришел и в чем ушел, все на виду. Санта-Барбара местного разлива.

– А вам ее не жалко? Двое детей сиротами остались...

– Жалко, конечно. Молода. Хоть и шлюха. Ей бы жить да жить. Смерть опять же страшная: зарезали, как рождественского поросенка. Вся лестничная площадка в крови была. «Скорая» опоздала на несколько минут. Так и умерла в одиночестве в двух шагах от собственной квартиры.

– Дина – моя предшественница?

– Твоя предшественница Анна. Ее убили несколько дней назад. Задушили, как и Лену. Только не в парадном, а возле кафешки какой-то. Вчера вот на венок собирали. От фирмы. Мрут и мрут, понимаешь, никакой зарплаты не напасешься. – Тамара Петровна мне нравилась все меньше и меньше. Правильно говорят – о мертвых либо хорошо, либо ничего. Кадровичка предпочитала промежуточный вариант – грязные сплетни: – Анна тоже шлюха, но только элитная. Просто так путаться не будет. Запросы слишком высокие. Может, за это и поплатилась. Ты бы видела, как она одевалась! Даже костюмчик бордовый на заказ пошила, так у нас все девчонки обмирали от зависти. Идет, бедрами покачивает, каблучками постукивает – и все кобели, которые есть в районе, за ней, подняв хвосты. Мол, не надо ли чего?

– А полиция что говорит?

– А кто-нибудь видел ее, полицию-то? – Тамара Петровна всплеснула руками от притворного возмущения. – Только нам этих проблем не хватало. Не успеешь устроить одну на работу, она уже на кладбище. А ты говоришь, полиция! Да потом по отделениям затаскают.

– Есть за что?

– Ты, девонька, говори, да не заговаривайся.

– Извините, но просто любопытство разбирает: неужели вы сами не думали, кто их убивает?

– Маньяк, кто же еще, – кадровичка привычно оскали-

лась и потянулась за анкетой: – Хватит лясы точить. Ну, что, заполнила? Завтра принесешь остальные документы. И про фотографию не забудь. Три на четыре, черно-белую. Приказ завтра будет готов. Можешь приступать. Все поняла? Вот и хорошо. Кто там у нас следующий?

Любопытно, однако. Версию Тамары Петровны разделял практически каждый второй сотрудник, по крайней мере, все, с кем мне удалось побеседовать в курилке и буфете. Первая жертва – Елена Зотова – была из разряда женщин, чье поведение можно назвать легким. Вторая – Дина Сергеева – обожала флирт, но очень редко доводила его до сексуального завершения. И, наконец, третья, Анна Федорова, предпочитала мужчин состоятельных, причем состоятельных во всех отношениях. С ними она была готова проводить все свободное время. Остальных ждала резкая и безоговорочная отставка. Общее у всех трех жертв было одно – сексуальная озабоченность. Ну и убийца, конечно, поскольку теперь я не сомневался, что всех трех убил один и тот же человек. Но за что? За чрезмерную распушенность и доступность? За отказ? За флирт?

Одновременно меня посвятили в тонкости новой должности. Тонкости не понравились. В общих чертах, обязанности менеджера по спецпроектам были схожи с тем, чем обычно приходится заниматься эскорт-девице. Встреча клиента, выход в свет, а там как получится. Получалось обычно до утра. По слухам, именно это и устраивало Зотову, однако очень

раздражало Дину и Анну. Приятного мало. Теперь понятно, почему соискательница должна была обладать повышенной стрессоустойчивостью и чрезмерной коммуникабельностью. Без этих качеств не обойтись, особенно если клиент попадет-ся привередливый и капризный. Может, отказаться, пока не поздно? Однако не в моих правилах отступать перед трудностями. Обстоятельства были сильнее. К тому же не покидало ощущение, что я уже в игре, и кто-то, пока не видимый, не только прилежно дергает за ниточки, но и следит за каждым шагом. Спина почувствовала пристальный взгляд еще в офисе. На пороге бизнес-центра он прямо-таки сверлил позвонки – с первого по четвертый, норовя проникнуть под аккуратный узел волос и просканировать тревожные мысли. Почти бегом я добралась до машины и спряталась в ее уютном кожаном салоне. День за два. Я не только умудрилась устроиться на ненужную работу, но и узнать немало интересных фактов.

Именно эти интересные факты я и прокручивала по дороге в институт. Любопытно, но никто из сотрудников не проводил параллели между убийствами. Большинство довольствовалось объяснением «несчастливой должности» и «распущенным поведением» жертв. Никто не знал про угрозы неизвестного. Неужели Ольга, Дина и Анна держали их в тайне? Но почему? Меня поразило и то, что многим сослуживцам данная тема вообще была неприятна и неинтересна, их больше интересовал размер моей груди и оклада. Размер

груди я не скрыла, чего не скажешь о зарплате: чего не знаю, того не знаю. Вполне возможно, что работать я буду за красивые слова и любовь к рекламе. Почему бы скуповатому Газете не сэкономить на новой сотруднице?

И все же, проведя полдня среди незнакомых людей, я никак не могла поверить, что один из них убийца. Приятные, доброжелательные, они были не похожи на маньяков. Пора признать: я ни черта не понимаю в психологических характеристиках преступников. Да что я! Даже Чезаре Ломброзо, и тот не смог бы провести свой знаменитый тест на гениальность и помешательство – не на ком. Все белые и пушистые, без отклонений: ни тебе гениальности, ни помешательства. Скучновато, конечно, а что делать? Так что итальянский психиатр может спать спокойно: обойдемся и без его методик. Хотя разумное зерно в них все же было. Насколько я помню, Ломброзо полагал, что любой преступник есть дегенерат, отставший в своем развитии от развития всего человечества. Поскольку свое поведение он контролировать не в состоянии, поэтому наилучшая стратегия общества в отношении такого монстра – полная и безоговорочная ликвидация. Больше всего мне в этом учении нравится практический подход: процесс опoznания дегенерата. По мнению Ломброзо, основными признаками, свидетельствующими об отставании в развитии и преступных наклонностях («атавистическими признаками») были сплюснутый нос, низкий лоб, большие челюсти и т. д. Если верить итальянцу, то дядька

Фима давно должен отправиться на сто первый километр, причем прямо на электрическом стуле. Слишком уж у него выдающаяся челюсть. Тетка в минуты нежности так его и зовет: «Мой крокодильчик».

Как бы там ни было, Ломброзо мне в этом деле не помощник. Искать убийцу придется самостоятельно, включив все свои способности – от интуиции до дедукции, хотя последней я вряд ли могу похвастаться. Но все же попробуем, хотя бы из уважения к памяти Анны. Стоп! О чем мы говорили в тот вечер? Помнится, она четко дала понять: искать убийцу нужно в агентстве. Именно там и притаился волк в овечьей шкуре. Оборотень в бордовых штанах. Джек-Потрошитель с тонкой ранимой душой.

Перспектива, надо признать, мало воодушевляет: согласно данным отдела кадров, в компании работает сорок человек. Это ж какую оперативно-розыскную работу придется провернуть! Да еще в столь сжатые сроки. Плюс придется прошерстить VIP-клиентов: кто знает, может, именно среди них и скрывается сексуально-озабоченный тип, по каким-то причинам так невзлюбивший менеджеров рекламного агентства «Эдем».

Глава 6

В институт я подъехала часов в пять вечера, когда все нормальные сотрудники стремились покинуть насиженные рабочие места и отправиться по домам. Охранник встрепенулся:

– Добрый вечер, Стефания Андреевна! Не рано вы сегодня.

– Главное, что не поздно, – все-таки снизошла до общения.

В приемной было тихо: секретарша, пользуясь отсутствием строгой начальницы, уже ушла. Интересно, с педсоставом такая же ситуация? Да нет, только что начались занятия на вечернем отделении. Из аудиторий раздавались отрывочные реплики преподавателей, контролирующих учебный процесс, и нестройный хор студенческих голосов, продирающихся сквозь тернии знаний. Так, мне нужен мой заместитель, Тимофей Алексеевич Петренко. Пришла пора порадовать старика: с завтрашнего дня он будет временно выполнять мои обязанности, а с ректором я как-нибудь договорюсь, за долю малую.

Согласно расписанию, у Петренко сейчас шел спецкурс «Психология личности преступника». Очень актуально! Заодно и послушаю. Я проскользнула в аудиторию и уселась в последнем ряду. Может, потрянуть стариной и законспекти-

ровать ценные мысли?

– Оперирование термином «личность преступника». – Петренко возвышался над аудиторией суровым неподкупным монолитом. Студенты прилежно записывали лекцию в тетрадки, умудряясь при этом перебрасываться записками. – Так вот, оперирование термином «личность преступника» означает так называемое «социальное лицо» человека, совершившего преступление. Повторяю, речь идет о социальном лице, а не о фотороботе в ближайшем отделении полиции. Это понятно? При криминологическом изучении важен анализ личности во взаимодействии с социальной средой, поскольку преступное поведение рождает не сама по себе личность или среда, а именно их взаимодействие. Понятно?

– А что такое социальная среда? – пискнула отличница с первого ряда.

– Социальная среда, девушка, – Петренко мрачно зашелестел бумажками, – это, прежде всего, общество, в котором мы живем. Однако в конкретном случае под социальной средой мы понимаем совокупность объективных условий и обстоятельств, определяющих и воздействующих на поведение человека. К примеру. Если общепринятой нормой считаются драки и поножовщина, то вас за них никто не осудит. Так? Так. В то же время нельзя не учитывать наличие в обществе людей, способных изменять указанные обстоятельства, причем с выгодой для себя. Понятное дело, что чаще всего изменить обстоятельства можно только нару-

шив существующее законодательство. Считается, что на поведение преступника в первую очередь влияет социальная среда, в которой сформировались его характер, система моральных ценностей и социальных установок. Поэтому изучая преступность, мы будем исследовать не только совокупность преступных деяний, но и совокупность лиц, которые их совершают. Понятно?

Судя по лицам студентов, они понимали слово через три, мне же с каждой минутой становилось все более интересно. Изучение социальной среды, говоришь? Ну-ну... Любопытно.

– В отечественной психологии приняты два подхода для изучения личности преступника, – привычно забубнил мой заместитель: – социально-типологический и социально-ролевой. В первом случае специалисты анализируют социальную позицию личности, соответствующие ей социальные нормы, их восприятие и исполнение. Социально-ролевой подход исследует ролевые установки преступника, которые в массе своей противоречат существующему законодательству и накладывают на человека определенные обязательства. Выполняя их, он, с одной стороны, оказывается вне закона, с другой – полностью соответствует выбранной для себя роли.

Один из основных вопросов криминальной психологии – выявление внутренних личностных предпосылок, которые во взаимодействии с мотивами личности и с определенными

факторами внешней среды могут создать для конкретного человека криминогенную ситуацию.

– То есть настоящий преступник может вылупиться только из того, кто вырос в неблагоприятной среде и сознательно отказался от общепринятых норм? – проснулся один из студентов.

– Настоящий преступник, – парировал преподаватель, – может, как вы изволили сказать, «вылупиться» из кого угодно. Из вас. Из меня. Из нашего уважаемого декана (тут я вздрогнула). В каждом сидит преступный ген, который может продремать до самой смерти человека, а может неожиданно проснуться в силу определенных обстоятельств. Тут важно понять один момент: психологическая зависимость преступников по своему характеру существенно отличается от аналогичной особенности, которая присуща большинству людей. Каждому человеку уже в силу социального характера, его развития и воспитания свойственно стремление к объединению с другими людьми для удовлетворения своих потребностей, достижения личных и совместных целей. В этих объединениях человек неизбежно занимает определенную позицию, в том числе и зависимую, подчиненную. Однако в отличие от убийц правопослушные люди способны выйти из группы, уйти от травмирующего их контакта, либо постараются изменить свое отношение (внутреннюю позицию) к таким обстоятельствам.

Для многих убийц, например, ситуация принципиально

иная. Контакт с кем-либо другим (в бытовых отношениях – с жертвой преступления) приобретает для них крайне важный, жизнеобеспечивающий характер. При этом сам преступник приписывает жертве способность удовлетворить его потребности, а затем в той или иной форме требует этого удовлетворения

Особо хочется сказать, что в последние годы все больше преступлений совершается в элитных сферах. К примеру, по статистике, среди российских предпринимателей оказалось немало людей с низким уровнем этики и правосознания, которые свое неумение организовать бизнес, а в ряде случаев просто организовать нормальные отношения с окружающими пытались компенсировать свои проблемы актами агрессии. Практически у этих людей преступное поведение становилось способом разрешения конфликтной ситуации, которую они сами же и спровоцировали.

– А преступления, совершенные на сексуальной почве, можно отнести к этому разряду?

– Разумеется, однако это тема для отдельного разговора. Но могу сказать, что практически каждое третье преступление, совершенное бизнесменами, имеет сексуальный подтекст.

– А сексуальные домогательства являются преступлениями?

– Да подождите вы со своими сексуальными домогательствами. Перестаньте носить короткие юбки – и не будет ни-

каких домогательств.

– Шовинист!

– От феминистки слышу. Тимофей Алексеевич, расскажите об убийствах...

Незаметно спецкурс превратился в вечер вопросов и ответов. Под конец Петренко только отдувался от студентов, желающих узнать кровавые подробности из жизни отечественных Потрошителей.

– Тяжело вам, – посочувствовала я, когда занятия закончились.

– Просто сегодня тема такая, актуальная, – признался Петренко. – Обычно они спят с открытыми глазами.

– Тимофей Алексеевич, а вы действительно думаете, что для поимки преступника нужно, прежде всего, изучить его социальную среду?

– Да. Способ убийства, мотивы преступления, поведение жертвы – звенья одной цепи. Почему преступник выбирает именно этого человека, а не другого? Какими критериями руководствуется? Почему одних убивает, а других неожиданно отпускает. Все это – загадки среды, в которой он рос. Знаете, я всегда вспоминаю пример, приведенный кем-то из современных классиков: если положить огурец в соленую воду, то хочет он того или нет, он все равно станет соленым. А во всем виновата среда, будь она неладна.

– То есть если у человека есть определенные предпосылки стать преступником, он может им стать?

– При сочетании определенных обстоятельств.

Поразмыслив, я решила рассказать Петренко об убийствах. Может, наука подскажет что-нибудь дельное.

– Ваша погибшая подруга, скорее всего, была права, – кивнул он, – ищите убийцу в агентстве.

– Но как его искать?

– Для начала найдите звено, которое могло бы объединить всех трех девушек. Возможно, в цепочке окажется несколько таких звеньев. Найдите наиболее сильное, оно вас и выведет на преступника.

– Как?

– Стефания Андреевна, до прихода в агентство поведение каждой из жертв было вполне обыденным, оно соответствовало принятым нормам в обществе. Появившись в «Эдеме», девушки, согласно вашим же словам, начали спекулировать своей сексуальностью. Одна играла в развратницу, вторая выбрала амплуа недотроги, третья отличалась особой избирательностью. Три стороны одного треугольника. А теперь подумайте, почему вместо того, чтобы спокойно работать и зарабатывать деньги, они ударились во все тяжкие? Что повлияло на поведение? Отвечаю: атмосфера в офисе. Иными словами, новая социальная среда, в которой они оказались. Не исключено, что некто сознательно провоцирует сотрудниц с тем, чтобы потом получить оправдание для своих поступков. Я убил ее потому, что она шлюха. Я убил ее потому, что она недотрога. Я убил ее потому, что она мне отказала.

Угрозы, шантаж, звонки, сексуально-некрофильская символика прекрасно вписываются в картину преступления. Сначала он предупреждает о возможной опасности: измени свое поведение, и я тебя помилую, но тут же провоцирует жертву на новый проступок. Дальше все просто. Я тебя предупреждал? Предупреждал! Теперь пеняй на себя.

— А как бы вы охарактеризовали преступника?

— Сложно сказать, я же многих обстоятельств не знаю. Но в общих чертах... Это зрелый мужчина, скорее всего, имеющий проблемы сексуального порядка, по каким-то причинам он ненавидит женщин. Не исключено, что его могли обидеть в детстве или ранней юности. Психологическая зависимость убийцы формируется в очень раннем возрасте и зависит от отношений, сложившихся в семье. Суть зависимости — в отторжении, неприятии ребенка родителями, прежде всего матерью. Это означает определенное отношение матери к ребенку, когда она либо не может, либо не хочет, либо не умеет своевременно и полно удовлетворить его потребности, в первую очередь естественные (в пище, тепле, чистоте). В результате ребенок оказывается в ситуации, если можно так сказать, хронического дефицита, постоянного неудовлетворения потребностей, и постоянно зависит от матери, потому что только она могла бы их удовлетворить.

Кстати сказать, его поступками может руководить кто-то другой, более уверенный в себе и в своих поступках. Практически все психологи говорят, что большинство преступ-

ников имеют сильную психологическую зависимость от другого лица. Убийцы в целом относятся к такой категории людей, для которых свободная и самостоятельная адаптация к жизни – всегда трудная проблема.

Факт преступлений показывает, что выход из контакта с жертвой для них – практически невозможный способ поведения. Как только они теряют жертву, то сразу начинают поиски другой. Почему ваш преступник специализируется исключительно на девушках, занимающих должность менеджера по спецпроектам? Значит, в должностных обязанностях есть нечто такое, что постоянно раздражает его внимание.

– И все-таки, зачем он убивает?

В который раз за сегодняшний день я задалась этим вопросом?

– Неужели вы не поняли? – удивился в свою очередь Петренко. – Он убивает, чтобы продолжать жить самому.

Глава 7

По дороге домой я заглянула в свой любимый супермаркет. В холодильнике мерзло и пусто, как в Антарктиде. Хорошо бы пополнить свои запасы продовольствия. На беду, в последние дни я придерживалась очередной диеты, считала калории и надеялась приблизиться к общепринятым стандартам красоты: 90–60–90. Грудь и попа процентов на восемьдесят им соответствовали, а вот живот вместе с подругой талией объявили забастовку: отказывались двигаться в сторону уменьшения злополучных сантиметров. Придется проявить силу воли и ограничиться апельсинами, кефиром и зеленью. Говорят, если целую неделю ограничивать себя в еде после 18.00, можно существенно похудеть. Черт, как есть хочется! Оглядываясь по сторонам, я рванула в кафе: навернула осетрину-гриль с картошкой и большую порцию черничного пирога, мысленно прибавив три сантиметра на изменнице-талиии. Ну и пусть... Дома перед сном выпью кефира и съем апельсин. И будет мне счастье.

Сглазила.

– Сюрприз!

От неожиданности я вздрогнула и выронила пакет с апельсинами – источником витамина С и жизненной энергии. Сюрприз, как не трудно догадаться, подготовили любящие родственники. В лучших традициях голливудских фильмов

они устроились в моей гостиной и выключили свет. А потом включили, заслышав мои шаги. «Надо бы сменить замки, — мрачно подумала я, собирая оранжевые мячики с пола. — Эдак они и в мою спальню проберутся в момент интимного свидания». Картинка нарисовалась, прямо скажем, жуткая: в самый ответственный момент у любовного ложа появляются Фима, с его выдающейся челюстью, Соня в папильотках и дед в клетчатых тапочках:

– Сюрприз!

Брр!

– Эфа, ты, главное, не сердись, — миролюбиво сказала Клара. — Мы тут решили собраться по-семейному, вина попить. Поговорить о том о сем... Тебя утешить, если грустишь. Вот и книжек тебе любовных принесли. Хочешь — про Годзиллу, хочешь — про Серодусту Бабасян. Все для тебя.

– А Ломброзо есть? — с надеждой спросила я, проигнорировав дамскую серию.

– Ломброзо нет. — Бабуля испуганно переглянулась с остальными, видимо, решив, что от романтических переживаний у ее названной внучки поехала крыша.

– Вот так всегда, вымя есть, а хересу нету, — мрачно сообщила я и опрокинула в рот рюмку коньяка.

Услышав ерофеевскую цитату, родственники окончательно перепугались. «Москву — Петушки» я обычно вспоминаю только в черные минуты депрессии.

– Зачем тебе вымя и херес? — осторожно поинтересовал-

ся Фима. – Вон лучше почитай про Годзиллу. Увлекательная вещь. Рекомендую. Читал – плакал: – *«И он вошел в нее, как нож в масло»*. Это же поэма! А вот это... – Он судорожно пролистнул книжку: – *«Годзилла трепетала в его объятиях, как влажное белье на ветру. “Укуси меня, съешь меня, я твоя!” – шептала она пылкому мавру под жарким итальянским небом. И хотя мавр ни слова не понимал, она, в конце концов, все-таки получила свою порцию удовольствия. Что-что, а кусаться и царапаться он умел здорово»*.

– И ты это читаешь? – подозрительно мирно спросила Соня.

Я снисходительно посмотрела на тетку. Интересно, что с ней будет, если сказать, что иногда я даже смотрю сериалы и пролистываю дорогие глянцевые журналы?

– Иногда.

– И?

– Что «и»?

– КАК ты это читаешь? – недоумевала тетка.

– Молча и с удовольствием, – ответила я и хлопнула еще рюмашку коньяку. Гулять так гулять!

Глава 8

...Мужичок крутился неспроста. Еще тогда, заметив его на остановке, Дина инстинктивно почувствовала: он пришел именно за ней. Звучит высокопарно, но что есть, то есть. Потом начались звонки: в трубке ТЯЖЕЛО перекачивалось дыхание. Ни слова, только дыхание. Ей казалось, что она улавливает даже запах анонима. Ваниль? Хлороформ? Он звонил в любое время дня и ночи: домой, на работу, друзьям, если Дина была в гостях. Звонки подкреплялись письмами. Она пару раз сменила электронный адрес, но он ее все равно находил. Он всегда знал, где она и с кем. Сообщения – туман и цитаты из песен. Ты будешь моей тысячу раз! Only you! Я хочу быть с тобой! Давай сегодня вечером поиграем в декаданс!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.